

По делу «Кудешкина против России»

Европейский Суд по правам человека¹ (Первая Секция), рассматривая дело Палатой Секции в составе:

Христоса Розакиса², Председателя Палаты Первой Секции Европейского Суда, Нины Вайич³, Анатолия Ковлера⁴, Элизабет Штайнер⁵, Дина Шпильманна⁶, Джорджио Малинверни⁷, Георга Николау⁸, судей, а также при участии Сорена Нильсена⁹, Секретаря Первой Секции Европейского Суда,

проведя совещание по делу за закрытыми дверями 5 февраля 2009 г.,

вынес в этот день следующее постановление:

**ПРОЦЕДУРА
В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ**

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 29492/05) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁰ гражданкой Российской Федерации, г-жой Ольгой Борисовной Кудешкиной (*далее* — заявительница) 12 июля 2005 г.

2. Интересы заявительницы при производстве по делу в Европейском Суде представляли г-жа К. Москаленко, г-жа А. Паничева и г-жа М. Воскобитова — адвокаты, практикующие в г. Страсбурге и г. Москве. Интересы властей Российской Федерации (*далее* — государство-ответчик) при производстве по делу в Европейском Суде представляли г-н П. Лаптев и г-жа В. Милинчук, бывшие Уполномоченные Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. В своей жалобе в Европейский Суд заявительница утверждала, что её увольнение из суда, последовавшее после критических заявлений, сделанных ею в средствах массовой информации, нарушило её право на свободу

**ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА****ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ****ДЕЛО****«КУДЕШКИНА ПРОТИВ РОССИИ»
[KUDESHKINA V. RUSSIA]**

(жалоба № 29492/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

26 февраля 2009 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

Постановление вступило в силу 14 сентября 2009 г.

выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции.

4. Своим решением от 28 февраля 2008 г. Европейский Суд объявил жалобу заявительницы приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

5. Государство-ответчик, но не заявительница, представило свои дополнительные письменные замечания по делу (в порядке пункта 1 статьи 59 Регламента Европейского Суда)

ФАКТЫ**1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

6. Заявительница родилась в 1951 году и проживает в г. Москве. В период времени, фигурирующий по делу, она работала в качестве судьи в течение 18 лет.

7. С 6 ноября 2000 г. заявительница состояла в должности судьи Московского городского суда.

**А. Участие заявительницы
в производстве
по уголовному делу
в отношении г-на Зайцева**

8. В 2003 году заявительница была назначена рассматривать уголовное дело, касающееся злоупотребления служебными полномочиями следователем милиции, г-ном Зайцевым. Ему были предъявлено обвинение в производстве незаконных обысков при расследовании по делу о крупномасштабном таможенном и финансовом мошенничестве, в котором были замешаны группа компаний и — предположительно — определённые высокопоставленные государственные должностные лица.

9. В июне 2003 г. суд в составе заявительницы как председательствующего судьи и двух народных заседателей, г-жи И. и г-жи Д. приступил к рассмотрению уголовного дела. Во время судебного заседания 26 июня 2003 г. суд предложил прокурору представить доказательства стороны обвинения. Прокурор в ответ указал,

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

² Судья, избранный от Греции (*примечание редакции*).

³ Судья, избранная от Хорватии (*примечание редакции*).

⁴ Судья, избранный от России (*примечание редакции*).

⁵ Судья, избранная от Австрии (*примечание редакции*).

⁶ Судья, избранный от Люксембурга (*примечание редакции*).

⁷ Судья, избранный от Швейцарии (*примечание редакции*).

⁸ Судья, избранный от Кипра (*примечание редакции*).

⁹ Подданный Дании (*примечание редакции*).

¹⁰ Далее — Конвенция (*примечание редакции*).

что суд не обеспечил явку свидетелей обвинения, и потому прокурор заявил возражение против того, каким образом проводилось судебное разбирательство. На следующий день, в пятницу, 27 июня 2003 г., прокурор заявил отвод заявительнице как председателю суду на том основании, что она была заинтересована в исходе рассмотрения дела, что предположительно было ею продемонстрировано в ходе допроса одного из потерпевших. Другие участники процесса, включая потерпевшего, о котором идёт речь, возражали против данного отвода. В тот же день народные заседатели отклонили этот отвод, после чего прокурор заявил ещё один отвод — обоим народным заседателям ввиду их предвзятости, и этот отвод в тот же день был отклонен заявительницей.

10. В понедельник, 30 июня 2003 г. оба народных заседателя представили заявления о самоотводе.

11. 1 июля 2003 г. прокурор заявил, что протокол судебного заседания ведётся неправильно, и ходатайствовал об ознакомлении с этим протоколом. Суд оставил ходатайство прокурора без удовлетворения на том основании, что ознакомление с протоколом возможно через три дня после его окончательного изготовления.

12. 3 июля 2003 г. заявительница удовлетворила заявления обоих народных заседателей о самоотводе, указав в своём определении следующее:

«В ходе судебного заседания народные заседатели И. и Д. заявили о своём самоотводе на том основании, что они не могут участвовать в рассмотрении уголовного дела ввиду предвзятого и грубого обращения с ними со стороны [государственного обвинителя], и ввиду ненормальной атмосферы судебных заседаний по делу, за создание которой он несёт ответственность и от которой им не по себе».

13. Согласно утверждениям заявительницы, Председатель Московского городского суда, г-жа Егорова, тогда вызвала в ходе рассмотрения уголовного дела заявительницу в свой кабинет и расспрашивала её о его деталях, задавая при этом определённые вопросы относительно ведения судебного процесса и определений, вынесенных по указанным заявлениям.

14. Мнения сторон по делу в Европейском Суде по вопросу об обстоятельствах отстранения заявительницы от рассмотрения указанного уголовного дела расходятся. Согласно утверждениям заявительницы, Председатель Московского городского суда отстранила её от рассмотрения уголовного дела 4 июля 2003 г., на следующий день после того, как из судебного процесса вышли народные заседатели. Согласно утверждениям государства-ответчика, заявительница продолжала участвовать в рассмотрении уголовного дела до 23 июля 2003 г., когда уголовное дело было изъято из её производства Председателем Московского городского суда на том основании, что заявительница задержала формирование нового состава суда и что существовала опасность новых задержек в рассмотрении данного дела ввиду подачи ею 22 июля 2003 г. заявления о предоставлении очередного отпуска с 11 августа по 11 сентября 2003 г.

15. 23 июля 2003 г. Председатель Московского городского суда передала уголовное дело в производство судье М.

16. Заявительница впоследствии участвовала в рассмотрении нескольких других уголовных дел.

В. Предвыборная кампания заявительницы

17. В октябре 2003 г. заявительница выдвинула свою кандидатуру на всеобщих выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации¹. Программа её предвыборной кампании включала вопрос о судебной реформе.

18. 29 октября 2003 г. Квалификационная коллегия судей города Москвы удовлетворила просьбу заявительницы о приостановлении её полномочий как судьи на период выборов, на которых она выступала кандидатом в депутаты Государственной Думы.

19. 1 декабря 2003 г. заявительница дала интервью радиостанции «Эхо Москвы», которое вышло в эфир в тот же день. В ходе интервью она сделала следующие заявления:

«Эхо Москвы» («ЭМ»): <...> к нам пришли довольно неожиданные новости, сообщения о том, что действующий судья Мосгорсуда подверг резкой критике существующую судебную систему и рассказал о некоторых фактах давления на суд <...>.

Ольга Кудешкина (ОК): Это действительно так. Годы работы в Мосгорсуде вселили в меня серьёзные сомнения в существовании независимости суда в Москве. Случаи, когда по делам, представляющим не только большой общественный интерес, но и по делам, затрагивающим интересы каких-либо значимых влиятельных лиц или определённых групп, оказывается на суд давление с целью принятия нужного решения, не так уж редки в Москве.

<...>

«ЭМ»: Что ж это было за дело, где Вы столкнулись с таким откровенным и серьёзным давлением на Вас?

ОК: Многие, наверное, слышали об уголовном деле по контрабанде мебели, поступавшей в крупные торговые центры г. Москвы. Это “Три кита” и “Гранд”. Ущерб от этого преступления, определённый следствием, составил несколько миллионов рублей. Среди тех, кем заинтересовалось следствие, возглавляемое следователем Зайцевым, были личности весьма влиятельные и известные. Это дело получило большой резонанс в связи с тем, что Генеральная прокуратура в срочном порядке изъяла из производства следственного комитета МВД РФ данное уголовное дело, а к уголовной ответственности привлекла следователя Зайцева [по обвинению в превышении должностных полномочий].

«ЭМ»: И Вы рассматривали дело не мебельных центров, а дело именно этого следователя?

ОК: Да, дело в отношении следователя Зайцева. Первоначально Мосгорсуд, рассмотрев дело, оправдал Зайцева. Более того, суд в приговоре прямо указал, что действия работников самой Генеральной прокуратуры при расследовании данного дела порой не соответствовали закону, а иногда прямо нарушали его. Таким образом, престиж Генеральной прокуратуры в глазах общественности был серьёзно подорван.

«ЭМ»: И решение суда было опротестовано, насколько я помню?

¹ Далее — Государственная Дума (примечание редакции).

ОК: Да, решение суда было опротестовано. Коллегия Верховного Суда приговор отменила и направила дело в Мосгорсуд на новое судебное рассмотрение.

«ЭМ»: Это дело получили Вы?

ОК: Да. В своём определении судебная коллегия указала, на что необходимо обратить внимание суду при новом рассмотрении дела.

«ЭМ»: Насколько я знаю, Вы не смогли довести рассмотрение этого дела до конца <...>. Что же случилось?

ОК: Дело без объяснения причин, уже в ходе рассмотрения его, было изъято из моего производства по личному указанию Председателя Мосгорсуда Егоровой.

<...>

«ЭМ»: Что предшествовало изъятию дела?

ОК: В судебном заседании суд стал исследовать доказательства по делу, представленные обвинением, стал допрашивать потерпевших. Но государственный обвинитель, представитель Генеральной прокуратуры, наверное, счёл, что показания потерпевших свидетельствуют не в пользу обвинения. Поэтому он стал делать все, для того чтобы сорвать процесс. С таким поведением прокурора в судебном заседании за 20 лет судебной практики я столкнулась впервые. <...> Он, по существу, пытался поставить суд в жёсткие рамки, какие вопросы можно задавать потерпевшим, а какие нельзя. <...> Когда же государственный обвинитель понял, что ему не удаётся поставить суд в такие жёсткие рамки, то есть исследовать только те доказательства и в том ракурсе, в котором он бы желал, то он стал бесосновательно заявлять отводы мне, народным заседателям, всему составу суда.

<...>

«ЭМ»: <...> как обычно поступают судьи в подобной ситуации, когда видят, что представитель той или иной стороны в процессе откровенно нарушает закон? Вы к кому-то можете обратиться за помощью, поддержкой, разъяснениями хотя бы?

ОК: Да, суд <...> мог обратиться к Генеральному прокурору о замене государственного обвинителя в процессе, указав на его поведение в судебном заседании. Но именно в этот момент меня вызвала к себе в кабинет Председатель Мосгорсуда Егорова.

«ЭМ»: Подождите, а разве Председатель Мосгорсуда может вмешиваться в сам ход ведения вами процесса?

ОК: Нет, конечно. Ведь уголовное судопроизводство в России, согласно закону, должно строиться на принципе состязательности сторон, при котором суд не выступает ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты <...>. Мне в явной форме дали понять, что в данном случае Председатель Мосгорсуда и руководство Генпрокуратуры по данному делу действуют едино, имеют в этом деле общий интерес.

<...>

«ЭМ»: <...> по Вашему знанию, это случай, скорее, единичный или это широко распространенная практика?

ОК: Нет, насколько мне известно, такие случаи не единичны, когда суд, по существу, превращается в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счётов. Вся опасность в том, что в такой ситуации никто не может быть застрахован и уверен в том, что его дело, любое, будь то гражданское, административное или уголовное, будет разрешено по закону, а не в угоду кому-либо <...>. Да, я хорошо понимаю, какое заявление я сделала. Но то, о чем я сказала, на самом деле имеет место. Но если все судьи будут молчать об этом, в стране уже в самое ближайшее время может просто наступить судебный беспредел.

20. 4 декабря 2003 г. две газеты — «Новая газета» и «Известия» — опубликовали интервью с заявительницей.

21. В интервью газете «Новая газета» в части, имеющей отношение к настоящему делу, говорилось следующее:

«<...> за двадцать лет работы в судах <...> мне приходилось рассматривать самые разные дела: как уголовные, так и гражданские. Я рассмотрела многие сотни, если не тысячи дел, насмотрелась много чего, судебную систему знаю глубоко и изнутри. Но того, что произошло между мной и Егоровой, я раньше и представить себе не смогла бы. Скажу, что в Сибири суды намного чище, чем в Москве. Там и представить себе нельзя таких грубо заказных дел или таких разговоров о коррупции.

<...>

Это не просто конфликт, это было беспрецедентное давление на суд. Егорова вызывала меня несколько раз, когда прокуратуре казалось, что слушания движутся не в том направлении, а последний раз — из совещательной комнаты, что вообще неслыханно. Никогда на меня никто так не кричал. Я бы не пошла, если бы знала, зачем она меня вызывает <...>.

Именно в результате конфликта с Егоровой я и решила, если повезет на выборах, сменить профессию. Мне есть чем заняться в высшем органе законодательной власти: это проблемы правосудия. Я сомневаюсь, чтобы в каком-нибудь из провинциальных судов творились такие же запредельные безобразия, как в Мосгорсуде, но это вопрос степени, а проблемы-то общие.

Судья, именуемый в законе независимым носителем судебной власти, зачастую оказывается в положении обычного чиновника, подчинённого председателю суда. Механизм давления основан на том, что прокурор или другие влиятельные и заинтересованные лица звонят не судье (если только нет каких-то личных связей), а председателю суда. Председатель вызывает судью и начинает сначала мягко, в форме рекомендаций или консультаций, а затем и более жестко убеждать судью принять “правильное”, то есть угодное кому-то решение. Судья же зависим от председателя суда в элементарных вопросах получения квартиры или премий, в вопросах распределения дел для слушания. При желании председатель суда всегда найдет в работе судьи такие недостатки (при существующем навалом дел нельзя, например, избежать элементарной волокиты), которые позволят прекратить его полномочия через квалификационную коллегию судей, которую тоже контролируют чиновники от правосудия <...>, реально суд до сих пор чаще всего выступает на стороне обвинения. Суд превращается в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счётов.

Никто не может быть уверен, что его дело — будь то гражданское, административное или уголовное — будет разрешено по закону, а не в угоду кому-то. Сегодня это следователь Зайцев, расследовавший уголовное дело по контрабанде мебели, а завтра может быть любой из нас».

В интервью газете «Известия» в части, имеющей отношение к настоящему делу, говорилось следующее:

«Известия»: <...> зачем вы пошли в депутаты?

ОК: Когда смотришь на то, что происходит вокруг, просто поражаешься беззаконию. По отношению к обычному человеку закон соблюдается весьма строго, но совсем не так по отношению к людям, занимающим высокие должности. А ведь они тоже нарушают закон — но их не привлекают к ответственности. Я хотела бы участвовать в создании законов, при которых судебная власть действительно была бы независимой <...>.

«Известия»: А как на практике выглядит давление?

ОК: Это такие консультации, деловые советы, обычно, по делам, которые имеют большой общественный резонанс. Иногда это имеет нормальную подоплеку — в рамках ученого спора. Судья говорит свою позицию, зампреда — свою. Сам председатель редко работает напрямую с судьей. В таких совещаниях руководство суда выясняет степень управляемости каждого судьи и в нужный момент знает, кому можно поручить щекотливое дело, а с кем лучше не связываться.

<...>

«Известия»: В чем конкретно выражалось давление на вас?

ОК: Давление было со стороны государственного обвинителя <...>. Только задашь потерпевшему вопрос, тут же [он] заявляет протест. Я за 20 лет работы с таким не сталкивалась. Зайцева обвиняли в превышении служебных полномочий. Он провел обыск без санкции прокурора. Закон допускает это в случаях, не терпящих отлагательств, и следователь в течение 24 часов должен поставить об этом в известность прокуратуру. Прокуратуру Зайцев [вовремя] уведомил, а суду предстояло выяснить, была ли срочная необходимость в обысках. Для этого надо было исследовать дело фирм «Гранд» и «Три кита», торгующих мебелью. Но государственный обвинитель своими постоянными протестами вообще не давал возможности суду коснуться этого дела <...>».

22. 7 декабря 2003 г. состоялись всеобщие выборы депутатов Государственной Думы. Заявительница не была избрана.

23. 24 декабря 2003 г. Квалификационная коллегия судей города Москвы возобновила полномочия заявительницы как судьи, начиная с 8 декабря 2003 г.

С. Жалоба заявительницы на Председателя Московского городского суда

24. 2 декабря 2003 г. заявительница обратилась в Высшую квалификационную коллегия судей Российской Федерации¹ с заявлением следующего содержания:

«Прошу привлечь к дисциплинарной ответственности Председателя Московского городского суда Егорову Ольгу Александровну, которая в июле 2003 г. при рассмотрении судом под моим председательством уголовного дела по обвинению Зайцева П.В. оказывала на меня незаконное давление. Она требовала, а том числе, и вызывая меня из совещательной комнаты, объяснений по существу этого находящегося на рассмотрении дела и относительно решений, которые суд собирался принимать. Егорова О.А. настаивала на изъятии из дела ряда документов и на искажении протокола судебного заседания, а также рекомендовала мне просить народных, заседателей не являться на рассмотрение дела. В связи с моим отказом подчиниться такому незаконному давлению, Егорова О.А. изъела дело из моего производства и передала другому судье.

Конкретные обстоятельства происшедшего таковы.

Рассмотрение дела Зайцева было поручено мне, и суд с участием народных заседателей И. и Д. приступил к рассмотрению дела.

Начав судебное следствие, суд допросил ряд потерпевших. Видимо, участвовавший в суде прокурор — представитель Генпрокуратуры [Российской Федерации] — счёл, что результаты этих допросов свидетельствуют не в пользу обвинения, а потому — направил все свои действия на срыв процесса. Безосновательно были заявлены отводы мне, народным заседателям, всему составу суда. Ходатайства об отводе носили характер унижающий, оскорбляющий суд, их основания явно не соответствовали действительности. После отклонения судом отводов Председатель Мосгорсуда Егорова вызвала меня в свой кабинет.

Нарушая статью 120 Конституции [Российской Федерации] и статью 10 Закона «О статусе судей в Российской Федерации», Председатель Мосгорсуда потребовала от меня объяснений о причинах, по которым я и народные заседатели, в ходе процесса задают потерпевшим те или иные вопросы, принимают именно такие, а не иные решения в связи с ходатайствами сторон. При мне Председатель Мосгорсуда вела телефонные переговоры, как я поняла с её слов, с [Первым заместителем Генерального прокурора Российской Федерации], утвердившим обвинительное заключение по делу Зайцева. Егорова информировала [Первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации], что судья вызван ею для выяснения происходящего в процессе.

Вернувшись к себе в кабинет, я рассказала о происшедшем народным заседателям. К этому времени они, доведенные до предела неоднократными немотивированными протестами, оскорбительными отводами со стороны гособвинителя, сочли для себя невозможным далее участвовать в судебном заседании. В связи с ухудшением состояния здоровья народный заседатель [И.] вынуждена была обратиться за медицинской помощью. По этим причинам они приняли решение заявить себе самоотвод, а в заявлениях о самоотводе прямо указать, что причиной такого их решения служит оказание на них давления представителем Генпрокуратуры [Российской Федерации].

На следующем судебном заседании такой самоотвод с вышеуказанной мотивировкой был ими заявлен, а письменные заявления по этому поводу народные заседатели передали мне для приобщения к делу, после чего суд удалился на совещание.

¹ Далее — Высшая квалификационная коллегия судей (примечание редакции).

Из совещательной комнаты меня вновь вызвала Председатель Мосгорсуда Егорова. На сей раз, она потребовала от меня объяснений — почему мы находимся в совещательной комнате и какие решения собираемся принять. Главное же — [она] настаивала, чтобы в деле не было письменных заявлений народных заседателей о том, что причиной их самоотвода послужило оказываемое на суд давление. Председатель Мосгорсуда настаивала также и на том, чтобы в протоколе судебного заседания не было отражено поведение государственного обвинителя, которое народные заседатели расценили как давление на суд. По существу, Егорова толкала меня на фальсификацию материалов дела. Кроме того, она предложила мне сделать так, чтобы народные заседателя больше не являлись в процесс, мол, попросите их больше не приходить в суд. Цель такого предложения ясна — народные заседатели не явятся, и процесс сорвется сам собой. Видимо, по каким-то причинам, дальнейшее рассмотрение дела этим составом суда было не нужно [ей]. Противозаконность действий Председателя Мосгорсуда очевидна.

Ни одно из её указаний я не выполнила — заявления народных заседателей приобщены были к делу, суд вынес определение об удовлетворении их самоотвода, указав причину этого — давление со стороны Генпрокуратуры [Российской Федерации]. Все происшедшее в процессе отражено в протоколе судебного заседания.

Немедленно после его подписания мною, Егорова затребовала у меня дело и без объяснения причин передала другому судье.

Убеждена, что такие действия Председателя Московского городского суда Егоровой Ольги Александровны несовместимы со статусом судьи, подрывают авторитет судебной власти, а потому — губительны для правосудия и должны повлечь привлечение её к ответственности.

Об этом я и прошу Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации».

25. 15 декабря 2003 г. Д., одна из двух народных заседателей, которые 3 июля 2003 г. заявили о самоотводе по уголовному делу в отношении Зайцева, обратилась в поддержку заявительницы в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации с заявлением следующего содержания:

«Недавно я прочитала [в “Новой газете”] интервью судьи Мосгорсуда Кудешкиной <...>. Я решила написать Вам, так как я участвовала по делу Зайцева в качестве народного заседателя.

С тем, о чем судья Кудешкина сказала в своём интервью, я полностью согласна.

В ходе судебного заседания [государственный обвинитель] всё сделал для того, чтобы не дать суду слушать дело. Он вел себя по отношению к суду грубо и нетактично, в своих заявлениях и ходатайствах он намеренно искажал всё происходящее в процессе, неоднократно, по надуманным основаниям, заявлял отводы суду. При этом его ходатайства носили унижающий, можно сказать, оскорбительный характер. Этим самым он своим поведением оказывал на суд давление с целью, чтобы суд принял нужное ему решение, а в противном случае он хотел сорвать процесс.

Я очень была возмущена этим, но каково же было мое удивление, когда я узнала, что на судью Ку-

дешкину оказывает давление по данному делу ещё и Председатель суда.

В перерыве судебного заседания, при нас, заседателях, судью вызвала к себе по телефону Председатель суда.

Через некоторое время Кудешкина вернулась в кабинет расстроенная и подавленная. На наш вопрос она ответила, что [Председатель суда] обвинила её в том, что суд не хочет слушать дело, что мы, заседатели, задаем не те вопросы потерпевшим, и предложила ей сделать так, чтобы мы, заседатели, не являлись на судебный процесс.

<...> На следующий день утром <...> мы с [И.] написали заявления о самоотводе.

В этот день, в начале судебного заседания, государственный обвинитель без предоставления ему слова начал опять заявлять ходатайства, в которых по существу унизил и оскорбил меня, заявив о том, что [потерпевший] в коридоре суда сказал в отношении меня <...>. На замечания судьи он не реагировал.

После этих слов <...> я <...> заявила себе самоотвод по причине грубого и нетактичного поведения государственного обвинителя, которое можно было определить только как давление на суд. После этого заявила себе самоотвод и народный заседатель [И.]

Я ранее не знала никого, ни судью, ни [заявителя], ни государственного обвинителя, ни адвоката; никакой заинтересованности по делу у меня не было. Поэтому такое поведение государственного обвинителя для меня было непонятно и просто потрясло меня.

Около 6 часов вечера из совещательной комнаты, куда суд удалился для вынесения решения, Кудешкину снова вызвала по телефону Председатель суда <...>.

На следующий день утром <...> [судья Кудешкина] сказала нам, что Председатель суда кричала на нее, требовала не приобщать к делу заявления [народных заседателей] о самоотводе к материалам уголовного дела и не указывать в определении суда причины самоотводов.

Мы с [И.] были потрясены всем происходящим: сначала на нас оказывал давление прокурор в процессе, а затем, получается, к этому присоединилась и [Председатель суда].

Но каково же было наше удивление, когда в совещательную комнату вошла [заместитель Председателя суда] и стала уговаривать меня и заседателя [И.] не указывать в определении суда поведение государственного обвинителя в процессе, а указать в наших заявлениях и в определении суда, что мы не можем участвовать в процессе просто по состоянию здоровья. Она при этом говорила, что нас с И. возьмут в другой процесс.

Я и [И.] отказались переписывать наши заявления, а после ухода [заместителя Председателя суда] суд указал в определении [об удовлетворении заявлений о самоотводе] всё, как было в процессе.

Я в качестве народного заседателя участвовала во многих процессах, но впервые столкнулась с оказанием такого давления на суд.

Прошу вас разобраться во всем вышеизложенном и принять меры к [Председателю суда и её заместителю]».

26. 16 декабря 2003 г. другой народный заседатель, И., которая заявила о самоотводе, обратилась в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации с заявлением, аналогичным вышеуказанному.

27. Схожие утверждения исходили от г-жи Ц., секретаря судебного заседания, в её письме на имя Председателя Верховного Суда Российской Федерации¹. Она

¹ Далее — Верховный Суд (примечание редакции).

рассказала о своём участии в рассмотрении уголовного дела в отношении Зайцева и вызвалась дать показания о том, что заявительницу действительно часто вызывала к себе Председатель Московского городского суда, и заявительница сильно переживала из-за вмешательства в судебное разбирательство. Она также жаловалась на недопустимое поведение прокурора, который, по её мнению, заставил народных заседателей заявить о самоотводе.

28. После получения жалобы заявительницы от 2 декабря 2003 г. Высшая квалификационная коллегия судей назначила г-на С., судью Арбитражного суда города Москвы, изучить обвинения против г-жи Егоровой.

29. Государство-ответчик представило в Европейский Суд копию доклада, подготовленного г-ном С. и представленного им в Высшую квалификационную коллегия судей, который содержал следующие выводы:

— в ходе судебного разбирательства уголовного дела в отношении Зайцева заявительница сама консультировалась с г-жой Егоровой, спрашивая её совета относительно ведения судебного процесса ввиду поведения государственного обвинителя;

— другое общение заявительницы с г-жой Егоровой и в другом случае — с заместителем Председателя суда происходило с глазу на глаз, и содержание этого общения не могло быть установлено;

— не имелось достаточных доказательств того, что г-жа Егорова оказывала давление на заявительницу, поскольку как г-жа Егорова, так и заместитель Председателя суда отвергли это обвинение;

— г-жа Егорова передала уголовное дело в отношении Зайцева в производство другого судьи на том основании, что г-жа Кудешкина «не сумела провести судебное разбирательство, её процессуальные акты были непоследовательными, [она действовала] в нарушение принципа состязательности и равенства сторон в судопроизводстве, она высказывала своё мнение по делу, находящемуся ещё в процессе рассмотрения судом, и она пыталась получить совет Председателя суда по делу, и ввиду закрытых сообщений соответствующих органов Председателю Московского городского суда в отношении судьи Кудешкиной в связи с рассмотрением уголовного дела по обвинению Зайцева и других уголовных дел».

30. 11 мая 2004 г. Высшая квалификационная коллегия судей доложила Председателю Верховного Суда свои выводы, касающиеся жалобы на г-жу Егорову. Он решил, не вдаваясь в детали, что не имеется оснований для привлечения г-жи Егоровой к дисциплинарной ответственности.

31. 17 мая 2004 г. Высшая квалификационная коллегия судей вынесла решение не возбуждать дисциплинарное производство в отношении г-жи Егоровой. Никакой копии этого решения Европейскому Суду представлено не было. В тот же день заявительницу уведомили письмом, что её жалоба на Председателя Московского городского суда была рассмотрена, и было сочтено, что не было необходимости предпринимать по ней какие-либо дальнейшие действия.

Д. Отстранение заявительницы от должности судьи

32. Тем временем, в день, не указанный в материалах дела в Европейском Суде, до вышеупомянутого возобновления полномочий заявительницы как судьи,

Председатель Совета судей города Москвы возбудил процедуру досрочного прекращения судейских полномочий заявительницы. Он обратился с этой целью в Квалификационную коллегия судей города Москвы, утверждая, что во время своей предвыборной кампании заявительница действовала таким образом, что это было несовместимо с авторитетом и высоким званием судьи. Он утверждал, что в своих интервью она умышленно подвергла оскорблениям судебную систему и отдельных судей и допустила ложные высказывания, которые могли ввести в заблуждение общественность и умалить авторитет судебной власти. Заявительница представила свои возражения на это.

33. Заседание в Квалификационной коллегии судей города Москвы по вопросу о досрочном прекращении полномочий заявительницы как судьи было назначено на 24 марта 2004 г., но затем по просьбе заявительницы, сославшейся на плохое состояние здоровья, было перенесено на 31 марта 2004 г. Впоследствии заседание переносилось — ввиду неявки заявительницы — на 14 апреля 2004 г., затем на 28 апреля 2004 г., 12 мая 2004 г. и, наконец, на 19 мая 2004 г.

34. 19 мая 2004 г. Квалификационная коллегия судей города Москвы рассмотрела обращение Совета судей города Москвы о досрочном прекращении полномочий заявительницы как судьи. Заявительница не присутствовала на заседании, на котором рассматривалось это обращение, очевидно, не имея на то уважительной причины. Квалификационная коллегия судей города Москвы решила, что заявительница совершила дисциплинарный проступок и что надлежит досрочно прекратить полномочия заявительницы как судьи в соответствии с Законом Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»¹. Данное решение в части, имеющей отношение к настоящему делу в Европейском Суде, гласило следующее:

«Во время своей предвыборной кампании судья Кудешкина [О.Б.] для достижения известности и популярности у избирателей распространила заведомо ложные, надуманные и оскорбительные измышления в адрес судей и судебной системы Российской Федерации, умалив авторитет судебной власти и подорвав престиж судейской профессии, нарушив тем самым Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Кодекс чести судьи Российской Федерации.

Так, на встрече с избирателями в ноябре 2003 г. судья Кудешкина [О.Б.] заявила, что Генеральная прокуратура России оказывает беспрецедентное давление на судей в ходе рассмотрения в Московском городском суде целого ряда уголовных дел.

В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» 1 декабря 2003 г. судья Кудешкина [О.Б.] сообщила, что «годы работы в Мосгорсуде вселили в меня серьёзные сомнения в существовании независимости суда в Москве»: «судья, именуемый в законе независимым носителем судебной власти, зачастую оказывается в положении обычного чиновника, подчинённого председателю суда»; «суд, по существу, превращается в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счётов»; «если все судьи будут молчать об этом, в стране уже в самое ближайшее время может просто наступить судебный беспредел».

¹ Далее — Закон «О статусе судей в Российской Федерации» (примечание редакции).

В интервью газете «Известия» 4 декабря 2003 г. судья Кудешкина [О.Б.] заявила:

“Когда смотришь на то, что происходит вокруг, просто поражаешься беззаконию. По отношению к обычному человеку закон соблюдается весьма строго, но совсем не так по отношению к людям, занимающим высокие должности. А ведь они тоже нарушают закон — но их не привлекают к ответственности”; “руководство суда выясняет степень управляемости каждого судьи и в нужный момент знает, кому можно поручить щекотливое дело, а с кем лучше не связываться”.

В другом интервью судьи Кудешкиной [О.Б.], опубликованном в газете «Новая газета» 4 декабря 2003 г., судья Кудешкина [О.Б.] также заявила, что “в Сибири суды намного чище, чем в Москве. Там и представить себе нельзя таких грубо заказных дел или таких разговоров о коррупции”; “сомневаюсь, чтобы в каком-нибудь из провинциальных судов творились такие же запредельные безобразия, как в Мосгорсуде, но это вопрос степени”; “судья, именуемый в законе независимым носителем судебной власти, зачастую оказывается в положении обычного чиновника, подчинённого председателю суда. Механизм давления основан на том, что прокурор или другие влиятельные и заинтересованные лица звонят не судье (если только нет каких-то личных связей), а председателю суда. Председатель вызывает судью и начинает сначала мягко, в форме рекомендаций или консультаций, а затем и более жестко убеждать судью принять ‘правильное’, то есть удобное кому-то решение”; “реально суд до сих пор чаще всего выступает на стороне обвинения. Суд превращается в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счётов. Никто не может быть уверен, что его дело — будь то гражданское, административное или уголовное — будет разрешено по закону, а не в угоду кому-то”.

Таким образом судья Кудешкина [О.Б.] сознательно и намеренно распространила в гражданском обществе ложные и не соответствующие действительности измышления о произволе, якобы царящем в судебной среде; о том, что суд в России пристрастный и неправый; что на судей с помощью председателей судов оказывается постоянное и неприкрытое давление по конкретным делам; что председатели судов заранее проверяют степень управляемости того или иного судьи, чтобы знать, кому можно поручить вынесение заведомо неправосудного постановления по делу; что никто не может быть уверен, что его дело рассматривается беспристрастным судом; что судьи фактически предают интересы правосудия, в связи с чем чаще всего выступают на стороне обвинения; что судья в нашей стране независимым и честным не является, а выступает в качестве обычного подчинённого чиновника; что в нашей стране имеет место полное беззаконие и наступает просто судебный беспредел.

Приведенные высказывания судьи Кудешкиной [О.Б.] основаны на явных домыслах, на заведомых и очевидных искажениях фактов.

Между тем распространение судьёй подобных сведений обладает огромной общественной опасностью, поскольку свидетельствует о сознательном умалении авторитета судебной власти и о намеренном причинении непоправимого ущерба престижу судебной профессии, а равно способствует формированию в обществе неверного представления о коррумпированности, зависимости и пристрастности органов правосудия нашей страны, а тем самым, порождает у граждан не-

верие в объективность и беспристрастность рассмотрения и разрешения их дел после обращения в суд.

В результате сообщённой судьёй Кудешкиной [О.Б.], т.е. лицом, принадлежащим к судебскому корпусу России, информации, не соответствующей действительности, в гражданском обществе была подорвана уверенность в том, что судебная власть в России является независимой и беспристрастной, в связи с чем у многих граждан сформировалось ошибочное мнение о том, что все судьи нашей страны являются недобросовестными, пристрастными и продажными, преследующими при отправлении правосудия исключительно свои корыстные либо иные личные цели и интересы.

<...>

Голословные и беспочвенные старания опорочить судебную систему нашей страны судья Кудешкина [О.Б.] мотивировала <...> ссылками на уголовное дело по обвинению Зайцева [П.В.], которое ранее находилось у неё в производстве.

На это же уголовное дело судья Кудешкина [О.Б.] ссылалась и в своём заявлении в адрес Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации.

<...>

Согласно сообщению Председателя Высшей квалификационной коллегии судей [Российской Федерации] от 17 мая 2004 г. № ВКК-7242/03 Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации провела проверку доводов обращения судьи Кудешкиной [О.Б.], по результатам которой Председателем Верховного Суда Российской Федерации оснований для удовлетворения заявления найдено не было.

Таким образом, ссылки на вмешательство в деятельность судьи Кудешкиной [О.Б.] по отправлению правосудия в результате проведенной проверки своего подтверждения не получили.

Квалификационная коллегия судей г. Москвы, отмечает, что с подобными заявлениями судья Кудешкина [О.Б.] выступила не в период рассмотрения ей дела по обвинению Зайцева П.В., а спустя почти полгода в период избирательной кампании или сразу после нее. В связи с этим коллегия полагает, что распространённые судьёй Кудешкиной [О.Б.] ложные и не соответствующие действительности сведения основаны лишь на её субъективных домыслах и личных измышлениях.

Кроме того, выступая в средствах массовой информации, судья Кудешкина [О.Б.] непосредственно разгласила конкретные фактические данные, касающиеся производства по уголовному делу по обвинению Зайцева [П.В.], приговор в отношении которого в тот момент ещё не вступил в законную силу.

<...>

[Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” и Кодекс чести судьи Российской Федерации обязывали] её воздержаться от порочащих судебское сообщество и правосудие в целом публичных высказываний. <...>

<...>

Таким образом, Квалификационная коллегия судей г. Москвы находит действия судьи Кудешкиной [О.Б.] позорящими честь и достоинство судьи, умаляющими авторитет судебной власти, причинившими существенный ущерб престижу судебной профессии, то есть усматривает в её действиях дисциплинарный проступок.

При выборе вида дисциплинарного взыскания, подлежащего применению к судье Кудешкиной [О.Б.],

квалификационная коллегия учитывает, что судья Кудешкина [О.Б.] своими высказываниями опорочила судей и судебную систему России; распространила ложные сведения в отношении своих коллег; променяла достоинство, ответственность и принципиальность судьи на политическую карьеру; проявила пристрастность при рассмотрении дела; поставила свои собственные политические и иные интересы выше идеалов правосудия; использовала должностное положение судьи для распространения правового нигилизма и для нанесения непоправимого ущерба основам судебной власти <...>».

35. В решении было указано, что оно может быть обжаловано в судебном порядке в течение 10 дней со дня получения копии решения.

36. Заявительница обратилась в Московский городской суд с жалобой, оспаривая решение Квалификационной коллегии судей города Москвы.

37. 13 сентября 2004 г. заявительница обратилась к Председателю Верховного Суда с ходатайством о передаче её дела из Московского городского суда на рассмотрение другого суда на том основании, что Московский городской суд не будет беспристрастным при рассмотрении её дела.

38. 7 октября 2004 г. Московский городской суд в составе судьи, рассматривавшего дело единолично, приступил к рассмотрению дела. Заявительница сначала заявила отвод судье на том основании, что он был членом Совета судей города Москвы и таким образом был напрямую связан с другой стороной по делу. Далее она утверждала, что Московский городской суд — в любом составе — не будет беспристрастным и независимым при рассмотрении её дела, потому что вменявшиеся ей в вину высказывания касались именно этого суда и его Председателя. Данное ходатайство было в тот же день рассмотрено, и в его удовлетворении было отказано на том основании, что не представлялось возможным передать дело в производство другого судьи в том же суде и что только вышестоящий суд был правомочен передать дело в другой суд для рассмотрения по существу. Заявительница обратилась в суд с ходатайством о приостановлении производства по делу, пока Верховный Суд не примет решение по её ходатайству о передаче дела на рассмотрение другого суда; в удовлетворении этого ходатайства также было отказано.

39. 8 октября 2004 г. Московский городской суд оставил в силе решение Квалификационной коллегии судей города Москвы. Суд установил, что высказывания заявительницы в прессе были ложными, необоснованными и причиняющими ущерб репутации судебной власти и авторитету всех судов. Суд также установил, что заявительница публично высказала мнение, имеющее преюдициальное значение в отношении уголовного дела, которое всё ещё находится на рассмотрении суда. Суд сделал вывод, что заявительница в силу своих политических амбиций нарушила право на свободу выражения мнения, что она публично отрицала принцип верховенства права и что такие действия были несовместимыми со статусом судьи. Суд отклонил доводы заявительницы о том, что решение Квалификационной коллегии судей города Москвы было вынесено в её отсутствие, установив, что после многих отложений слушаний по обращению Совета судей города Москвы она не представила суду какого-либо документа, удостоверяющего уважительные причины её отсутствия на слушаниях. Суд также отклонил возражения заявительницы о том, что на период предвыборной кампании её полномочия как судьи были приостановлены, и пос-

тановил, что в период приостановления её полномочий как судьи она всё-таки должна была соблюдать правила поведения, применимые к судьям. Касательно применимости Кодекса чести судьи Российской Федерации суд установил, что он действовал и был юридически обязательным в указанный период времени и мог изменяться в этом деле.

40. Заявительница обратилась в Верховный Суд с жалобой на вышеуказанное решение Московского городского суда.

41. 25 октября 2004 г. заявительница получила письмо от судьи Р. из Верховного Суда, уведомляющее её о том, что передача её дела из Московского городского суда в другой суд противоречило бы правилам подсудности.

42. 19 января 2005 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда, вынося своё определение по делу в качестве последней инстанции, оставила в силе решение Московского городского суда от 8 октября 2004 г., подтвердив выводы, сделанные ранее Квалификационной коллегией судей города Москвы и Московским городским судом. Что касается вопроса о предполагаемом отсутствии непредвзятости у Московского городского суда, который рассматривал дело по первой инстанции, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда установила, что заявительница не обращалась по данному вопросу с жалобой к Московскому городскому суду в ходе рассмотрения им её дела, и потому Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда была неправомочна рассматривать этот вопрос в кассационном порядке.

II. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. Нормативные правовые акты по вопросам профессиональной этики судей и ответственности за дисциплинарные проступки

43. Закон «О статусе судей в Российской Федерации» предусматривает следующее:

Статья 3. Требования, предъявляемые к судье

«1. Судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы и федеральные законы. Судья конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, мировой судья обязаны также соблюдать конституцию (устав) субъекта Российской Федерации и законы субъекта Российской Федерации.

2. Судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности».

<...>

Статья 12.1. Дисциплинарная ответственность судей

1. За совершение дисциплинарного проступка (нарушение норм настоящего Закона, а также положений кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей) на судью, за исключением судей Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде: предупреждения; досрочного прекращения полномочий судьи.

Решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания принимается квалификационной коллегией судей, к компетенции которой относится рассмотрение вопроса о прекращении полномочий этого судьи на момент принятия решения».

<...>

44. Кодекс чести судьи Российской Федерации, как он был принят Советом судей Российской Федерации 21 октября 1993 г. и одобрен II Всероссийским съездом судей в июле 1993 г., предусматривает следующее:

Пункт 3 статьи 1. Общие требования, предъявляемые к судье

«Судья должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти. Он не вправе причинять ущерб престижу своей профессии в угоду личным интересам или интересам других лиц».

Пункт 5 статьи 2. Правила осуществления профессиональной деятельности судьи

«Судья не вправе делать публичных заявлений, комментариев, выступлений в прессе по делам, находящимся в производстве суда до вступления в силу постановлений, принятых по ним. Судья не вправе публично вне рамок профессиональной деятельности подвергать сомнению постановления судов, вступившие в законную силу и действия своих коллег».

Пункт 3 статьи 3. Внеслужебная деятельность судьи

«Судья может участвовать в общественной деятельности, если она не наносит ущерб авторитету суда и надлежащему исполнению судьей своих профессиональных обязанностей».

В. Регламентация вопроса о прекращении полномочий судьи

45. Статья 14 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» предусматривает следующее:

«1. Полномочия судьи прекращаются по следующим основаниям:

<...>

7) занятие деятельностью, не совместимой с должностью судьи <...>».

46. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации¹ предусматривает следующее:

Статья 27. Гражданские дела, подсудные Верховному Суду Российской Федерации

«1. Верховный Суд Российской Федерации рассматривает в качестве суда первой инстанции гражданские дела:

<...>

3) об оспаривании постановлений о приостановлении или прекращении полномочий судей либо о прекращении их отставки <...>».

47. Статья 26 Федерального закона от 14 марта 2002 г. «Об органах судейского сообщества»² предусматривает, что споры по вопросу о прекращении полномочий судьи относятся к подведомственности судов субъектов Российской Федерации.

48. 2 февраля 2006 г. Конституционный Суд Российской Федерации³ установил в своём Определении № 45-О следующее:

«<...> Подсудность дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации о приостановлении или прекращении полномочий судьи либо о прекращении его отставки должна определяться пунктом 3 части первой статьи 27 ГПК Российской Федерации, в соответствии с которым только Верховный Суд Российской Федерации рассматривает в качестве суда первой инстанции гражданские дела об оспаривании постановлений о приостановлении либо прекращении полномочий судей или о прекращении их отставки».

С. Состав суда и распределение дел между судьями

49. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации⁴ предусматривает следующее:

Статья 242. Неизменность состава суда

«1. Уголовное дело рассматривается одним и тем же судьёй или одним и тем же составом суда.

2. Если кто-либо из судей лишен возможности продолжать участие в судебном заседании, то он заменяется другим судьёй и судебное разбирательство уголовного дела начинается сначала».

50. Закон «О статусе судей в Российской Федерации» предусматривает следующее:

Статья 6.2. Полномочия председателей и заместителей председателей судов

1. Председатель суда наряду с осуществлением полномочий судьи соответствующего суда, а также процессуальных полномочий, установленных для председателя суда федеральными конституционными законами и федеральными законами, осуществляет следующие функции:

1) организует работу суда;

<...>

3) распределяет обязанности между заместителями председателя, а также в порядке, установленном федеральным законом, — между судьями; <...>».

51. Инструкция по судебному делопроизводству в судах, действовавшая в период времени, фигурирующий по настоящему делу, предусматривала, что полномочия по организации работы суда, установлению правил внутреннего распорядка и осуществлению общего руководства деятельностью аппарата суда закреплены за председателем суда.

52. Согласно общепринятой практике председатель суда распределяет поступившие в суд дела между судьями.

¹ Далее — Гражданский процессуальный кодекс (примечание редакции).

² Далее — Закон «Об органах судейского сообщества» (примечание редакции).

³ Далее — Конституционный Суд (примечание редакции).

⁴ Далее — Уголовно-процессуальный кодекс (примечание редакции).

ВОПРОСЫ ПРАВА

1. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

53. В своём обращении в Европейский Суд заявительница жаловалась на то, что её отстранение от должности судьи после её заявлений в средствах массовой информации является нарушением права на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право свободно выражать своё мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определёнными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы заявительницы

54. В своём обращении в Европейский Суд заявительница жаловалась на то, что решение Квалификационной коллегии судей города Москвы, запрещающее ей занимать должность судьи ввиду критических заявлений, сделанных ей публично, противоречит принципам, воплощённым в статье 10 Конвенции. Она утверждала, что судьи, как и все другие граждане, находятся под охраной положений статьи 10 Конвенции и что вмешательство публичных властей в осуществление ею права на свободу выражения мнения не было «предусмотрено законом»¹, не преследовало правомерную цель государства и, наконец, не было необходимым в демократическом обществе. Пункты её жалобы по этим вопросам можно кратко изложить следующим образом.

(а) Пункт жалобы заявительницы, касающийся вопроса о том, что вмешательство публичных властей в осуществление ею права на свободу выражения мнения не было «предусмотрено законом»

55. В своём обращении в Европейский Суд заявительница утверждала, что дисциплинарное взыскание было наложено на неё незаконным образом. Она считает, что положения Закона «О статусе судей в Российской Федерации», применявшиеся в её деле, сфор-

мулированы слишком общо и неопределённо, чтобы служить основанием для привлечения её к дисциплинарной ответственности. Что же касается Кодекса чести судьи Российской Федерации, то заявительница утверждала, что этот Кодекс не является легитимным нормативным правовым актом, поскольку он не был в установленном законом порядке принят Всероссийским съездом судей, как это требуется Законом «О статусе судей в Российской Федерации», а был лишь одобрен этим съездом.

56. Далее заявительница оспорила подведомственность дела, по которому она обжаловала решение Квалификационной коллегии судей города Москвы, Московскому городскому суду. Она сослалась на положения Гражданского процессуального кодекса, которые закрепляют за Верховным Судом подведомственность дел, касающихся оспаривания решений по вопросу о прекращении полномочий судьи. Она также считала неприемлемым то обстоятельство, что Московский городской суд рассматривал дело о критике этого же суда и его Председателя. Её ходатайства, заявленные в Московский городской суд и Верховный Суд, о передаче дела на рассмотрение Верховного Суда были оставлены без удовлетворения.

(б) Пункт жалобы заявительницы, касающийся вопроса о том, что вмешательство публичных властей в осуществление ею права на свободу выражения мнения не преследовало правомерную цель

57. В своём обращении в Европейский Суд заявительница утверждала, что, хотя власти и объявили акт прекращения её полномочий как судьи необходимым для «поддержания авторитета и беспристрастности судебной власти»², это не было истинной целью оспариваемой по настоящему делу меры властей. Она утверждала, что власти были полны решимости продемонстрировать всем членам судейского корпуса страны, что информация об отклонениях от норм в функционировании судебной системы, не должна предаваться гласности для всех граждан с тем, чтобы оградить судейский корпус от какого-либо пристального внимания общественности, даже в вопросах, касающихся реализации процессуальных гарантий.

58. Далее заявительница указала, что вопросы независимости суда и его беспристрастности являются в России вопросами большой озабоченности общества, в котором граждане питают мало доверия к судам и судебной власти. Она решила вскрыть факты давления, оказываемого на суд и рядовых судей, потому что она считала, что привлечение внимания общественности к данной проблеме послужило бы интересам правосудия и делу воплощения в жизнь принципов независимости суда и его беспристрастности лучше, чем утаивание таких постыдных фактов.

59. Что же касается положения статьи 10 Конвенции о необходимости «охраны репутации или прав других лиц», то заявительница оспорила то, что репутация и права Председателя Московского городского суда требуют охраны в форме дисциплинарной ответственности. Если г-жа Егорова или кто-либо другой считают свою репутацию подорванной и желают заглаживания причинённого им вреда, то они могли бы обратиться в суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации. Однако никаких таковых исков подано не было,

¹ Взятая в кавычки фраза — цитата из статьи 10 Конвенции (примечание редакции).

² Взятая в кавычки фраза — цитата из статьи 10 Конвенции (примечание редакции).

и властям нельзя было подменять собой лиц, интересы которых предположительно были затронуты высказываниями заявительницы.

(с) Пункт жалобы заявительницы, касающийся вопроса о том, что вмешательство публичных властей в осуществление ею права на свободу выражения мнения не было «необходимым в демократическом обществе»¹

60. Наконец, заявительница утверждала в своей жалобе в Европейский Суд, что обжалуемая ею мера властей являлась актом непропорционального вмешательства государства в осуществление ей своего права на свободу выражения мнения, и потому эта мера не могла считаться «необходимой в демократическом обществе».

61. Заявительница утверждала, что нельзя было препятствовать её критике национальной системы правосудия только на том основании, что она — судья. Хотя она и являлась гражданским служащим, она — как и другие граждане — располагала правами и свободами, охраняемыми Конвенцией, включая те права и свободы, которые гарантируются статьей 10 Конвенции.

62. Заявительница в своей жалобе настаивала на том, что её публичные заявления, на основании которых она была привлечена к дисциплинарной ответственности, представляли собой выражение её мнения, то есть оценочное суждение, но никак не заявления о фактах. При этом она утверждала, что все факты, лежащие в основе её мнения, истинны и подкреплены доказательствами.

63. Касательно тех высказываний заявительницы, о которых государство говорило как о «недостоверных фактах», то она указала на то, что процедура установления фактов, как таковая, не имела места. Её утверждения о том, что в ходе судебного рассмотрения уголовного дела в отношении Зайцева на суд оказывалось давление, не были предметом эффективного расследования, и не были опровергнуты средствами состязательного процесса. Проверка, произведённая после её обращения с заявлением в Высшую квалификационную коллегию судей, не была публичной и проводилась неформально. Выводы по результатам этой проверки не могут поэтому считаться официально установленными фактами. В этой ситуации бремя доказывания при производстве по обращению Совета судей города Москвы в Квалификационную коллегию судей города Москвы должно было бы лежать на стороне, возбудившей дисциплинарное производство. Иными словами, именно на Совете судей города Москвы лежала обязанность доказывания того, что публичные высказывания заявительницы были недостоверны. Власти не возложили надлежащим образом это бремя при производстве в Квалификационной коллегии судей города Москвы или при последующем производстве в судах.

64. В качестве доказательств истинности своих утверждений об оказывавшемся на суд давлении со стороны Председателя Московского городского суда заявительница сослалась на заявления народных заседателей и на произвольную и противоправную передачу уголовного дела от неё в производство другого судьи. Заявительница утверждала, что судебные органы не приняли во внимание эти доказательства, отказавшись, в частности и в особенности, допросить этих народных заседателей или других свидетелей, как об этом просила заявительница.

1. Доводы государства-ответчика

65. Государство-ответчик не оспаривало применимость статьи 10 Конвенции в настоящем деле. Государство-ответчик также согласилось с тем, что решение запретить заявительнице занимать должность судьи, являлось актом вмешательства публичных властей в осуществление ею своего права на свободу выражения мнения, предусмотренного в этой статье Конвенции.

66. Однако государство-ответчик утверждало, что это вмешательство было оправданным по смыслу положений пункта 2 статьи 10 Конвенции в том смысле, что оно было предусмотрено законом, преследовало правомерные цели и было «необходимым в демократическом обществе». Пункты замечаний государства-ответчика по данным вопросам можно кратко изложить следующим образом.

(а) Пункт замечаний государства-ответчика, касающийся вопроса о том, что вмешательство публичных властей в осуществление заявительницей права на свободу выражения мнения было «предусмотрено законом»

67. Государство-ответчик сочло, что прекращение полномочий заявительницы как судьи было произведено в соответствии с нормами материального и процессуального права. Государство-ответчик оспорило довод заявительницы о том, что нормы Закона «О статусе судей в Российской Федерации» сформулированы слишком общо и неопределённо, чтобы применить их как основу для привлечения заявительницы к дисциплинарной ответственности. Государство-ответчик также утверждало, что Кодекс чести судьи Российской Федерации является юридически обязательным нормативным документом с момента его принятия 21 октября 1993 г. Советом судей Российской Федерации на основе одобрения его II Всероссийским съездом судей. Этот Кодекс перестал действовать только 2 декабря 2004 г., когда он был заменён Кодексом судейской этики, принятым Всероссийским съездом судей.

68. Что касается вопроса о предполагаемом отсутствии у Московского городского суда подведомственности в отношении дела заявительницы, то государство-ответчик высказало несогласие с её позицией по данному вопросу. Государство-ответчик утверждало, что в период времени, фигурирующий в настоящем деле, подведомственность таких дел определялась Законом «Об органах судейского сообщества», который устанавливает, что рассматривать дела этой категории правомочны суды субъектов Российской Федерации. Это положение было изменено только 2 февраля 2006 г., когда Конституционный Суд дал своё толкование по поводу коллизии норм Гражданского процессуального кодекса. Государство-ответчик указало на то, что заявительница сама обратилась с исковым заявлением в Московский городской суд, тем самым согласившись с подведомственностью спора этому суду. Кроме того, в своих ходатайствах о передаче дела на рассмотрение другого суда она не упоминала о том, что её дело неподведомственно Московскому городскому суду, она лишь ссылаясь на предполагаемое отсутствие у него беспристрастности.

(б) Пункт замечаний государства-ответчика, касающийся вопроса о том, что вмешательство публичных властей в осуществление заявительницей права

¹ Взятая в кавычки фраза — цитата из статьи 10 Конвенции (примечание редакции).

на свободу выражения мнения преследовало правомерную цель

69. Государство-ответчик утверждало, что обжалуемая заявителем мера властей была необходима для «поддержания авторитета и беспристрастности судебной власти» и для «охраны репутации или прав других лиц». Публичные высказывания заявительницы, указало государство-ответчик, наносили ущерб системе правосудия в целом и способствовали распространению в обществе «правового нигилизма». Кроме того, она распространила клеветнические сведения в отношении должностных лиц Московского городского суда и не доказала утверждаемые ею факты. Интересы правосудия и соответствующих лиц, занимающих должности судей, требовали вмешательства государства и применения санкций против заявительницы.

(с) Пункт замечаний государства-ответчика, касающийся вопроса о том, что вмешательство публичных властей в осуществление заявителем права на свободу выражения мнения было «необходимым в демократическом обществе»

70. Государство-ответчик утверждало, что прекращение полномочий заявительницы как судьи было мерой пропорциональной преследуемой при этом правомерной цели и что эта мера отвечала «настоятельной общественной потребности». Государство-ответчик ссылалось на прецедентную практику Европейского Суда, где, в частности, указывалось, что когда бы ни шла «речь идёт о праве гражданского служащего на свободу выражения мнения, “обязанности и ответственность”, указанные в пункте 2 статьи 10 Конвенции приобретают особую значимость, что оправдывает закрепление за национальными властями определённую свободу усмотрения при решении вопроса, является ли обжалуемое вмешательство публичных властей в осуществление прав заявителя пропорциональным вышеуказанной цели» (государство-ответчик цитировало постановление Европейского Суда от 26 сентября 1995 г. по делу «Фогт против Германии» [*Vogt v. Germany*], § 53, серия «А», № 323). Государство-ответчик утверждало, что ограничения на свободу выражения мнения судей имеют ещё большее значение по сравнению с ограничениями, возлагаемыми на других гражданских служащих. Соответственно, государству должна быть предоставлена свобода усмотрения в ещё более широких рамках при введении и применении ограничений на свободу слова судей.

71. Государство-ответчик считает, что дисциплинарный проступок, совершённый заявителем, имел два аспекта, каждый из которых был настолько серьёзен, что оправдывал наложение на неё дисциплинарного взыскания.

72. Первый аспект — выступления с заявлениями, касающимися судей и судебной системы, в которых утверждалось о противоправных действиях г-жи Егоровой и других должностных лиц. Однако в своей жалобе на этих лиц в Высшую квалификационную коллегию судей заявительница не представила достаточных доказательств таких фактов. Как следствие, её обвинения не могут считаться справедливым комментарием или обоснованной критикой.

73. Государство-ответчик утверждало, что даже если и считать эти заявления оценочными суждениями, то всё равно под ними должно быть какое-то фактическое обоснование, и в любом случае они должны были оставаться

в рамках, совместимых с высокими моральными требованиями, предъявляемыми к судьям. В настоящем деле заявительница вышла за рамки того, что допустимо со стороны гражданского служащего, в особенности судьи. Хотя свобода выражения мнения гарантирована каждому, правила профессиональной этики судей налагают определённые ограничения на лиц, занимающих посты судей. Эти лица действуют как гаранты воплощённости принципа верховенства права, и потому необходимо установить строгие ограничения на допустимое с их стороны поведение с тем, чтобы обеспечить авторитет и беспристрастность судебной власти. Кроме того, имеется большая опасность того, что мнения, высказываемые судьями, могут вводить в заблуждение общество, потому что у этих мнений больший вес, чем у мнений, высказываемых непрофессионалами. Публика склонна доверять людям с профессиональным знанием судебной системы, и их мнения обычно почитаются как авторитетные и уравнивающие.

74. Второй аспект дисциплинарного проступка заявительницы — выступления с заявлениями, касающимися уголовного дела в отношении Зайцева, которое в период времени, фигурирующей по настоящему делу, находилось в производстве суда кассационной инстанции. Недопустимо было для судьи, указало государство-ответчик, комментировать дело, находящееся на рассмотрении суда, потому что это посягало на компетенцию соответствующего суда, его независимость и беспристрастность.

75. Отвечая на довод заявительницы о том, что заинтересованные лица должны были сами обратиться в суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации, государство-ответчик указало Европейскому Суду, что эти лица не питали враждебных личных чувств к заявительнице и не желали преследовать личные цели, обратившись в суд с подобным иском.

76. Государство-ответчик далее утверждало, что заявительница злоупотребила своей должностью судьи ради достижения своих личных целей, а именно — с целью выиграть голоса избирателей за счет репутации своих коллег и судебных учреждений. Она поэтому выступила со своими обвинениями несколько месяцев спустя после событий, фигурирующих по настоящему делу, во время предвыборной кампании.

77. Наконец, государство-ответчик утверждало, что выбор вида дисциплинарного взыскания заявительницы был оправдан ввиду конкретных обстоятельств её дела. Заявительница продемонстрировала свою неспособность соблюдать требования, предъявляемые к пребыванию в должности судьи, а потому взыскание, которое позволило бы ей продолжить работу в качестве судьи, такое как предупреждение, не было бы достаточным. Кроме того, никаких дополнительных мер против заявительницы предпринято не было. Например, ей не запрещали продолжать публичную дискуссию по затрагиваемым ею вопросам.

78. Ввиду вышеуказанного государство-ответчик считает, что вмешательство публичных властей в осуществление заявителем своего права на свободу выражения мнения было «необходимым в демократическом обществе».

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

79. Что касается вопроса о пределах рассмотрения настоящего дела, то Европейский Суд замечает, — и в этом стороны по делу согласны друг с другом — что решение запретить заявителем занимать должность судьи

было вызвано её заявлениями в средствах массовой информации. Ни пригодность заявительницы к государственной службе, ни её профессиональная способность выполнять функции судьи не были частью аргументации в ходе производства по её делу в национальных инстанциях. Соответственно, обжалуемая заявителем мера публичных властей, предпринятая против нее, по сути относится к свободе выражения мнения, а не к занятию публичной должности в системе отправления правосудия — к праву, которое Конвенцией не гарантируется (см. решение Европейского Суда от 29 июня 2004 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 62584/00, поданной Штефаном Харабиным [*Stefan Harabin*] против Словакии). Из этого вытекает, что статья 10 Конвенции в настоящем деле применима.

80. Европейский Суд считает, что дисциплинарное взыскание, наложенное на заявительницу, является актом вмешательства публичных властей в осуществление ею своего права, охраняемого статьей 10 Конвенции. Кроме того, наличие факта такого вмешательства сторонами по делу не оспаривалось. Суд поэтому рассмотрит вопрос, было ли оно оправданным в силу положений пункта 2 статьи 10 Конвенции.

1. Вопрос о том, было ли взыскание, наложенное на заявительницу, «предусмотрено законом» и соответствовало ли оно правомерной цели государства

81. Европейский Суд отмечает, что заявительница оспаривает утверждение государства-ответчика, что дисциплинарное взыскание, наложенное на неё, было «предусмотрено законом» и что оно преследовало правомерную цель государства. Однако коль скоро заявительницу можно понять, как оспаривавшую качество нормы права, применённой по её делу, Суд не находит достаточных оснований для вывода о том, что нормативные правовые акты, на которых основывалась позиция национальных властей, не были опубликованы или что их действие было непредсказуемым. Что касается доводов заявительницы относительно несправедливости дисциплинарного производства, возбуждённого против нее, и отсутствия беспристрастности у Московского городского суда, то Суд считает, что эти доводы по существу касаются вопроса о пропорциональности оспариваемой меры государства, и более надлежаще будет рассмотреть эти доводы под таким углом зрения. То же самое относится и к доводам, приведённым при оспаривании правомерности цели, преследуемой государством. Суд поэтому исходит из того, что мера государства, о которой идёт речь, отвечала двум первым условиям, и приступит к рассмотрению вопроса, была ли эта мера «необходимой в демократическом обществе».

2. Вопрос о том, было ли взыскание, наложенное на заявительницу, мерой «необходимой в демократическом обществе»

82. В своей оценке, было ли решение властей запретить заявительнице занимать должность судьи, вынесенное в ответ на её публичные заявления, «необходимым в демократическом обществе», Европейский Суд изучит обстоятельства дела в целом и рассмотрит их в свете принципов, установленных в его прецедентной практике, которые можно кратко изложить следующим образом (см. среди прочих источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 23 сентября 1994 г. по делу «Йерсильд против Дании» [*Jersild v.*

Denmark], § 31, серия «А», № 298; постановление Европейского Суда от 25 августа 1998 г. по делу «Хертель против Швейцарии» [*Hertel v. Switzerland*], § 46, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*], 1998-VI; постановление Европейского Суда по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» [*Steel and Morris v. the United Kingdom*] (жалоба № 68416/01), § 87, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2005-II):

«(i) Свобода выражения мнения является одной из важнейших основ демократического общества и одним из основных условий для его прогресса и для самореализации каждого человека. При условиях, указанных в пункте 2 статьи 10 Конвенции, принцип свободы выражения мнения применим не только к “информации” и “идеям”, которые благосклонно воспринимаются обществом или считаются им неоскорбительными либо воспринимаются с безразличием, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или тревожат общество. Таковы требования плюрализма, терпимости и необходимости придерживаться широких взглядов, без которых не может быть “демократического общества”. Как установлено в статье 10 Конвенции, из этой свободы могут делаться исключения, которые <...> должны, однако, толковаться ограничительно, а необходимость в каких-либо таких ограничениях должна быть установлена со всей убедительностью <...>».

(ii) Прилагательное “необходимые” по смыслу положений пункта 2 статьи 10 Конвенции подразумевает наличие “настоятельной общественной потребности”. Договаривающиеся Государства располагают свободой усмотрения в определённых рамках при оценке, существует ли таковая потребность, но эта свобода усмотрения идёт рука об руку с европейским надзором в сфере прав человека, который распространяется как на законодательство, так и на решения, применяющие свободу усмотрения, даже если они принимаются независимым судом. Европейский Суд поэтому правомочен выносить окончательное суждение по вопросу, является ли то или иное “ограничение” совместимым со свободой выражения мнения, как оно охраняется статьей 10 Конвенции.

(iii) Задача Европейского Суда при осуществлении своей надзорной юрисдикции не в том, чтобы подменять собой национальные компетентные органы власти, а в том, чтобы проверять — в контексте статьи 10 Конвенции — решения, которые они выносят в силу своих дискреционных полномочий. Это не означает, что надзор Суда сводится к установлению, воспользовалось ли государство-ответчик своей свободой усмотрения разумно, осмотрительно и добросовестно; что Суду надлежит сделать, это — проверить акт вмешательства публичных властей в осуществление заявителем своей свободы выражения мнения в свете всех обстоятельств дела и определить, было ли это вмешательство “пропорциональным преследуемой государством цели” и были ли основания, заявленные национальными властями в оправдание вмешательства, “важными и достаточными”. <...> Делая это, Суд должен установить для себя, что национальные власти применили стандарты, которые согласуются с принципами, воплощёнными в статье 10 Конвенции, и, кроме того, что власти основывали свои действия на приемлемой оценке соответствующих фактов <...>».

83. Кроме того, Европейский Суд вновь подтверждает, что справедливость судопроизводства и предостав-

ленные в нем процессуальные гарантии (см., *mutatis mutandis*¹, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства», § 95), а также характер и строгость применённых санкций (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джейлан против Турции» [*Ceylan v. Turkey*] (жалоба № 23556/94), § 37, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-IV; постановление Европейского Суда от 27 мая 2003 г. по делу «Скалка против Польши» [*Skalka v. Poland*] (жалоба № 43425/98), § 41–42; а также постановление Европейского Суда по делу «Лешник против Словакии» [*Lešník v. Slovakia*] (жалоба № 35640/97), § 63–64, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2003-IV) являются факторами, которые надлежит учитывать при оценке пропорциональности акта вмешательства публичных властей в осуществление заявителем своего права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции.

84. При оценке, имелась ли по делу «настоятельная общественная потребность», способная оправдать акт вмешательства публичных властей в осуществление заявителем своего права на свободу выражения мнения, должно быть проведено тщательное различие между заявлениями о фактах и оценочными суждениями. Существование фактов может быть продемонстрировано, тогда как истинность оценочных суждений доказыванию не поддаётся (см. постановление Европейского Суда от 24 февраля 1997 г. по делу «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии» [*De Haes and Gijssels v. Belgium*], § 42, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports], 1997-I; а также решение Европейского Суда от 3 апреля 2003 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 57313/00, поданной Инной Харлановой [*Inna Harlanova*] против Латвии). Однако даже в тех случаях, когда заявление о фактах приравнивается к оценочному суждению, пропорциональность акта вмешательства может зависеть от того, имеется ли достаточное фактическое основание для такого заявления, поскольку даже оценочное суждение без какого-либо фактического основания в его поддержку может быть неумеренным (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Де Хаэс и Гийселс против Бельгии» § 47, а также постановление Европейского Суда по делу «Иерусалим против Австрии» [*Jerusalem v. Austria*] (жалоба № 26958/95), § 43, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2001-II).

85. Европейский Суд далее вновь подтверждает, что статья 10 Конвенции применяется и в отношении места работы заявителей и что гражданские служащие, такие как заявительница, имеют право на свободу выражения мнения (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Фогт против Германии», § 53; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вилле против Лихтенштейна» [*Wille v. Liechtenstein*] (жалоба № 28396/95), § 41, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-VII; постановление Европейского Суда от 2 сентября 1998 г. по делу «Ахмед и другие заявители против Соединенного Королевства» [*Ahmed and Others v. the United Kingdom*], § 56, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports], 1998-VI; постановление Европейского Суда от 29 февраля 2000 г. по делу «Фуэнтес Бобо против

Испании» [*Fuentes Bob v. Spain*] (жалоба № 39293/98), § 38; постановление Большой Палаты Европейского Суда от 12 февраля 2008 г. по делу «Гужа против Молдавии» [*Guja v. Moldova*] (жалоба № 14277/04), § 52). В то же время Суд помнит о том, что работники обязаны соблюдать лояльность по отношению к своим работодателям, проявлять сдержанность и осмотрительность. Это в особенности касается гражданских служащих, поскольку в силу характера гражданской службы гражданский служащий связан обязательством соблюдать лояльность и проявлять осмотрительность (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Фогт против Германии», § 53; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ахмед и другие заявители против Соединенного Королевства» [*Ahmed and Others v. the United Kingdom*], § 55; а также постановление Европейского Суда от 14 марта 2002 г. по делу «Де Диего Нафрия против Испании» [*De Diego Nafria v. Spain*] (жалоба № 46833/99), § 37). Вопрос о предании гражданскими служащими гласности информации, полученной в ходе своей служебной деятельности, — даже по вопросам, представляющим общественный интерес, — надлежит исследовать в свете их обязательства соблюдать лояльность и проявлять осмотрительность (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Гужа против Молдавии», § 72–78).

86. Европейский Суд вновь подтверждает, что вопросы, касающиеся функционирования системы правосудия, являются вопросами общественного интереса, дискуссия в обществе по которым охраняется положениями статьи 10 Конвенции. Однако Суд во многих случаях подчеркивал особую роль, которую в обществе играет судебная власть, которая — как гарант правосудия и фундаментальная ценность в правовом государстве — должна пользоваться доверием граждан, чтобы успешно выполнять свои обязанности. Поэтому может оказаться необходимым ограждать это доверие от деструктивных и по сути необоснованных нападков на судебную власть, особенно ввиду того, что судьи, подвергающиеся критике, имеют обязанность проявлять осмотрительность, что препятствует им дать отпор (см. постановление Европейского Суда от 26 апреля 1995 г. по делу «Прагер и Обершлик против Австрии» [*Prager and Oberschlick v. Austria*], § 34, серия «А», № 313). Значение фразы «авторитет правосудия» из пункта 2 статьи 10 Конвенции включает в себя, в частности, идею, что суд является и воспринимается всем обществом как надлежащий форум для разрешения правовых споров и для установления виновности или невиновности лиц по уголовным делам (см. постановление Европейского Суда от 29 августа 1997 г. по делу «Ворм против Австрии» [*Worm v. Austria*], серия «А», № 255-А, § 40 Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports], 1997-V). Что главное здесь касательно защиты «авторитета правосудия», — доверие, которое суды в демократическом обществе должны вселять в обвиняемого, когда речь идёт об уголовном судопроизводстве, а также во всех граждан (см. среди других источников по данному вопросу, *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 24 февраля 1993 г. по делу «Фей против Австрии» [*Fey v. Austria*], серия «А», № 255-А). По этой причине Суд счёл, что должностным лицам, работающим в системе правосудия, надлежит проявлять сдержанность в осуществлении своего права на свободу выражения мнения во всех случаях, когда авторитет и беспристрастность судебной власти могут быть по-

¹ Mutatis mutandis (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

ставлены под сомнение (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вилле против Лихтенштейна», § 64).

87. С другой стороны, в контексте предвыборных дебатов Европейский Суд придаёт особое значение беспрепятственной свободе выражения мнения кандидатов. Суд постановлял, что право выдвигать свою кандидатуру на выборах, которое гарантируется статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции, неотъемлемо присуще идее подлинно демократического строя (см. постановление Европейского Суда по делу «Мельниченко против Украины» [*Melnichenko v. Ukraine*] (жалоба № 17707/02), § 59, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-X). Эта норма Конвенции воплощает в себе фундаментальный принцип, предназначенный для эффективной политической демократии, и соответственно имеет первостепенное значение в правозащитной системе Конвенции и является ключевым фактором установления и поддержания основ эффективной и значимой демократии, в которой главенствует принцип верховенства права (см. постановление Европейского Суда от 6 апреля 2006 г. по делу «Малисьевич-Гонсьиор против Польши» [*Malisiewicz-Gąsior v. Poland*] (жалоба № 43797/98), § 67; постановление Европейского Суда от 2 марта 1987 г. по делу «Матье-Мюэн и Клерфейт против Бельгии» [*Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium*], § 47, серия «А», № 113; а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хёрст против Соединенного Королевства (№ 2)» [*Hirst v. the United Kingdom (No. 2)*] (жалоба № 74025/01, § 58, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2005-IX).

88. Обращаясь к настоящему делу, Европейский Суд отмечает, что Квалификационная коллегия судей города Москвы привлекла заявительницу к дисциплинарной ответственности в связи с рядом высказываний, допущенных ею в ходе трёх интервью средствам массовой информации. В своём решении, вынесенном 19 мая 2004 г. (см. выше, пункт 34 настоящего постановления), эта Квалификационная коллегия сослалась на следующие высказывания:

« — годы работы в Мосгорсуде вселили в меня серьёзные сомнения в существовании независимости суда в Москве;

— судья, именуемый в законе независимым носителем судебной власти, зачастую оказывается в положении обычного чиновника, подчинённого председателю суда;

— суд, по существу, превращается в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счётов;

— если все судьи будут молчать об этом, в стране уже в самое ближайшее время может просто наступить судебный беспредел;

— когда смотришь на то, что происходит вокруг, просто поражаешься беззаконию. По отношению к обычному человеку закон соблюдается весьма строго, но совсем не так по отношению к людям, занимающим высокие должности. А ведь они тоже нарушают закон — но их не привлекают к ответственности;

— руководство суда выясняет степень управляемости каждого судьи и в нужный момент знает, кому можно поручить щекотливое дело, а с кем лучше не связываться;

— в Сибири суды намного чище, чем в Москве. Там и представить себе нельзя таких грубо заказных дел или таких разговоров о коррупции;

— судья, именуемый в законе независимым носителем судебной власти, зачастую оказывается в положении обычного чиновника, подчинённого председателю суда. Механизм давления основан на том, что прокурор или другие влиятельные и заинтересованные лица звонят не судье (если только нет каких-то личных связей), а председателю суда. Председатель вызывает судью и начинает сначала мягко, в форме рекомендаций или консультаций, а затем и более жестко убеждать судью принять “правильное”, то есть угодное кому-то решение;

— реально суд до сих пор чаще всего выступает на стороне обвинения. Суд превращается в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счётов. Никто не может быть уверен, что его дело — будь то гражданское, административное или уголовное — будет разрешено по закону, а не в угоду кому-то».

89. Квалификационная коллегия судей города Москвы далее отметила, что, допустив такие высказывания, заявительница «распространила в гражданском обществе ложные и не соответствующие действительности измышления» и что её высказывания «явно основаны на домыслах, на заведомых и очевидных искажениях фактов».

90. Помимо вышеуказанных высказываний Квалификационная коллегия судей города Москвы выговорила заявительнице за то, что она «разгласила конкретные фактические данные, касающиеся производства по уголовному делу по обвинению Зайцева [П.В.], приговор в отношении которого в тот момент ещё не вступил в законную силу».

91. Что касается комментариев заявительницы по поводу уголовного дела, находящегося в производстве суда, то национальные власти не сослались на какое-либо её высказывание по этому поводу. В этой связи Европейский Суд со своей стороны не усматривает ничего в трёх вменяемых в вину заявительнице интервью, что обосновывало бы утверждения о том, что она допустила «разглашение данных». Верно, в поддержку своей критики по отношению к роли председателей судов заявительница описала свой опыт в качестве председательствующего судьи при рассмотрении в суде уголовного дела по обвинению Зайцева, утверждая при этом, что на суд оказывали давление различные должностные лица, в частности Председатель Московского городского суда. Это, однако, отличается от предания гласности закрытой информации, которая может стать известной лицу в ходе своей служебной деятельности (сравните с упоминавшимся выше постановлением Европейского Суда по делу «Гужа против Молдавии»). Рассказ заявительницы о своём опыте во время судебного разбирательства указанного уголовного дела следует поэтому считать заявлением о фактах, которое в данном контексте неотделимо от её мнений, высказанных в ходе интервью, выдержки из которых воспроизводятся выше. Суд поэтому должен уяснить себе фактическую основу высказываний заявительницы прежде чем решать вопрос об уместности оценочных суждений, содержащихся в её интервью.

92. Европейский Суд отмечает, что государством-ответчиком оспаривается правдивость рассказа заявительницы об эпизоде, когда она была вызвана г-жой Егоровой в её кабинет и опрошена об уголовном деле в то время, когда судебное разбирательство дела ещё продолжалось. Государство-ответчик в своих замечаниях по делу полагалось на результаты проверки, проведен-

ной Высшей квалификационной коллегией судей после обращения заявительницы в эту коллегию с жалобой на г-жу Егорову. Коллегия установила, что не имелось достаточно доказательств того, что г-жа Егорова пыталась воздействовать на заявительницу или что таких попыток предпринято не было (см. выше, в пункте 29 настоящего постановления, выводы, сделанные судьёй С. по результатам проверки). В то время как Суд мог бы согласиться с трудностями установления содержания разговора заявительницы с г-жой Егоровой, происшедшего с глазу на глаз, Суд всё же отмечает, что версия заявительницы подкрепляется заявлениями народных заседателей и секретаря судебного заседания. Кроме того, Суд не может не обратить внимание на то, что Высшая квалификационная коллегия судей проигнорировала факт несоблюдения правил при последующей передаче уголовного дела в производство другого судьи. Суд замечает, что в силу статьи 242 Уголовно-процессуального кодекса уголовное дело должно рассматриваться одним и тем же составом суда, если только кто-либо из судей лишен возможности продолжать участие в судебном заседании. Однако, как явствует из доклада судьи С., г-жа Егорова решила изъять уголовное дело из производства заявительницы ввиду своего неодобрения действий заявительницы по ведению судебного процесса и «наличия закрытых сообщений соответствующих органов» в отношении рассмотрения заявительницей уголовного дела по обвинению Зайцева. По мнению Суда, одно лишь указание на то, что такие соображения имели своим результатом передачу от одного судье другому уголовного дела, находящегося в стадии судебного разбирательства, должно служить оправданием для поддержки утверждений заявительницы. Прогнорировав этот момент, Высшая квалификационная коллегия судей не обеспечила заслуживающего доверия фактического обоснования своей оценки произошедшего, и это упущение не было исправлено ни одной из последующих инстанций, разбиравшихся с делом. Соответственно, утверждения заявительницы об оказывавшемся на неё давлении не были убедительным образом опровергнуты в ходе производства по делу в национальных инстанциях.

93. Сделав вывод о наличии у заявительницы фактических оснований для её выступлений с критикой, Европейский Суд вновь подтверждает, что обязательство соблюдать лояльность и проявлять осмотрительность, которым связаны гражданские служащие, в особенности судьи, требует, чтобы распространение даже точной информации осуществлялось бы ими со сдержанностью и соблюдением правил приличия (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гужа против Молдавии» и упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вилле против Лихтенштейна», § 64 и 67). Суд поэтому продолжит исследование вопроса, были ли мнения, высказанные заявительницей на основе этой информации, тем не менее неумеренными ввиду её статуса судьи.

94. Европейский Суд замечает, что заявительница выступила с публичной критикой в связи с крайне щекотливым вопросом, а именно — критиковала действия различных должностных лиц, занимавшихся крупным делом о коррупции, при рассмотрении которого в суде она была председательствующим судьёй. Действительно, в своих интервью она указывала на пагубное положение дел и утверждала, что примеры оказания давления на судей повсеместны и что этой проблемой надо заняться всерьёз, если судебная власть хочет поддерживать свою независимость и пользоваться доверием общества. Нет никаких сомнений в том, что тем самым она подняла

крайне важный вопрос, составляющий интерес для общества, и этому вопросу в демократическом обществе надлежит быть открытым для свободного обсуждения. Её решение обнародовать информацию по этому вопросу было основано на её личном опыте, и оно было принято только после того, как ей не дали участвовать в судебном разбирательстве в её официальном качестве.

95. В той мере, насколько мотивы заявительницы, когда она делала свои заявления, могут быть важными, Европейский Суд вновь подтверждает, что акт, мотивируемый личной обидой, или личным антагонизмом, либо ожиданием получения личной выгоды, включая выгоду материальную, не оправдывает высокой степени защиты с точки зрения Конвенции (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гужа против Молдавии», § 77). Выступления по политическим вопросам, напротив, пользуются особой охраной в соответствии со статьей 10 Конвенции (см. прецеденты, упомянутые выше, в пункте 87 настоящего постановления). Суд в своей прецедентной практике ранее устанавливал, что даже если вопрос, являющийся предметом дебатов, имеет политическую подоплёку, этого самого по себе недостаточно, чтобы воспрепятствовать судье делать какие-либо заявления по этому вопросу (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вилле против Лихтенштейна», § 67). Суд отмечает, что в настоящем деле стороны не оспаривают тот факт, что интервью были опубликованы в контексте избирательной кампании заявительницы. Однако даже если заявительница и позволила себе определённую степень преувеличения и обобщения, столь характерных для предвыборной агитации, её высказывания не были полностью лишены фактических оснований (см. выше, пункт 92 настоящего постановления), и потому к ним нельзя относиться, как к непозволительным личным нападениям, а должно относиться, как к добросовестным комментариям по вопросу высокой общественной значимости.

96. Что касается вопроса о наложении на заявительницу дисциплинарного взыскания, то она утверждала, что те судьи, которые были объектом её критических высказываний, не должны были рассматривать её дело. Европейский Суд отмечает, что вопрос о прекращении полномочий судьи относится к компетенции соответствующей квалификационной коллегии судей; законность и обоснованность решения по этому вопросу подлежит проверке Московским городским судом и Верховным Судом. Европейский Суд далее отмечает, что до начала рассмотрения дела по первой инстанции заявительница обратилась как в Московский городской суд, так и в Верховный Суд с ходатайством о передаче её дела из Московского городского суда на рассмотрение другого суда первой инстанции на том основании, что Московский городской суд фигурировал в её интервью, которые вызвали спор, и что судьи этого суда не будут объективно беспристрастны по дисциплинарному делу, возбуждённому против нее. Однако Московский городской суд счёл, что он был неправомочен распорядиться о передаче дела в другой суд, тогда как Верховный Суд не принял во внимание данное ходатайство заявительницы и установил позже, действуя в качестве суда кассационной инстанции, что заявительница не подняла этот вопрос в надлежащее время.

97. Европейский Суд считает, что опасения заявительницы относительно беспристрастности Московского городского суда были оправданны на фоне её обвинений в адрес Председателя суда. Однако этим доводам не вняли, и этот факт является тяжким процессуальным упущением. Вследствие этого Европейский Суд находит, что порядок наложения на заявительницу дисциплинарного взыскания не обеспечил важные процессуальные гарантии.

98. Наконец, Европейский Суд оценит взыскание, наложенное на заявительницу. Суд отмечает, что по результатам дисциплинарного производства заявительница потеряла должность судьи, занимаемую ею в Московском городском суде, и утратила всякую возможность работать судьей. Это несомненно было суровым наказанием, и для заявительницы должно быть крайне огорчительно потерять доступ к профессии, к которой она принадлежала 18 лет. Это было самое строгое взыскание, которое могло быть наложено по результатам дисциплинарного производства, и — в свете вышеуказанных выводов Европейского Суда — оно не соответствовало тяжести проступка. Кроме того, такое наказание, несомненно, может отвлечь других судей в будущем — под страхом лишиться должности судьи — выступать с заявлениями, содержащими критику государственных учреждений или политики.

99. Европейский Суд напоминает о «замораживающем эффекте»¹, который страх перед наказанием оказывает на реализацию свободы выражения мнения (см. *mutatis mutandis* упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вилле против Лихтенштейна», § 50; постановление Европейского Суда по делу «Никула против Финляндии» [*Nikula v. Finland*] (жалоба № 31611/96), § 54, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2002-II; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпэнэ и Мазэре против Румынии» [*Cumpăna and Mazăre v. Romania*] (жалоба № 33348/96), § 114, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-XII; а также постановление Европейского Суда от 13 ноября 2003 г. по делу «Элджи и другие заявители против Турции» [*Elci and Others v. Turkey*] (жалобы № 23145/93 и 25091/94), § 714). Этот эффект, который оказывает своё действие во вред обществу в целом, является также и фактором, который касается пропорциональности, а тем самым и обоснованности, взыскания, наложенного на заявительницу, которая, как установил выше Суд, несомненно, имела право привлечь внимание общественности к вопросу, который стал камнем преткновения по настоящему делу.

100. Соответственно, оценка Европейского Суда состоит в том, что взыскание, о котором идёт речь, было для заявительницы непропорционально суровым и, более того, оно способно оказывать «замораживающий эффект» на судей, желающих принять участие в публичных дебатах по вопросу об эффективности судебных органов.

101. В свете вышеизложенного Европейский Суд считает, что национальные власти не соблюли правильный баланс между необходимостью защитить авторитет судебной власти, репутацию или права других лиц, с одной стороны, а с другой — защитить право заявительницы на свободу выражения мнения.

102. Соответственно, по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции.

II. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

103. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой

Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Вопрос о присуждении выплаты компенсации за причиненный заявителнице моральный вред

104. Заявительница просит присудить ей сумму в размере 25 тысяч евро в качестве компенсации морального вреда.

105. Государство-ответчик считает эту сумму необоснованной и чрезмерной. Оно утверждает, что признание факта нарушения требований Конвенции — если таковой будет установлен Европейским Судом — будет само по себе достаточной справедливой компенсацией.

106. Европейский Суд считает, что заявительница должно быть испытывала душевные страдания в связи с фактами настоящего дела. Производя свою оценку на основе принципа справедливости, Суд присуждает выплатить заявителнице сумму в размере 10 тысяч евро в качестве компенсации причинённого ей морального вреда, к чему надлежит прибавить сумму любого налога, подлежащего уплате с указанной суммы.

B. Вопрос о присуждении выплаты заявителнице возмещения понесенных ей судебных издержек и расходов

107. Заявительница просила Европейский Суд назначить выплату возмещения судебных издержек и расходов в связи с работой *pro bono*² её адвокатов по настоящему делу в размере, определяемым самим Судом.

108. Государство-ответчик выдвинуло возражение против этой просьбы.

109. Согласно нормам прецедентной практики Европейского Суда, тот или иной заявитель имеет право на получение возмещения понесенных им судебных издержек и расходов только в той мере, в какой было продемонстрировано, что эти издержки и расходы были понесены реально и в силу необходимости и при этом являются разумными, что касается их размера. В настоящем деле — учитывая отсутствие каких-либо ходатайств в Суде, содержащих перечень конкретно подсчитанных затрат на работу адвокатов, — Суд отклоняет просьбу заявительницы о возмещении ей судебных издержек и расходов.

D. Процентная ставка при просрочке платежей

110. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. постановил, четырьмя голосами «за» и тремя голосами «против», что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции;

¹ Chilling effect (англ.) — замораживающий, охлаждающий, сковывающий эффект; этим выражением пользуются западные юристы и политологи для обозначения того воздействия, которое жесткие правовые нормы и правоприменительная практика в той или иной сфере могут оказывать на реализацию гражданами своих, номинально гарантированных прав и свобод. Чаще всего это выражение применяется в отношении свободы слова и печати (*примечание редакции*).

² Pro bono publico (лат.) — во благо общества, ради общественных интересов; такой латинской фразой обозначают ту работу адвокатов, которая осуществляется ими бесплатно для немущих лиц, или при проведении юридических акций общественной направленности (*примечание редакции*).

2. постановил, четырьмя голосами «за» и тремя головами «против»:

(а) что государство-ответчик — в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции — в течение трёх месяцев со дня вступления настоящего постановления в силу обязано выплатить заявительнице сумму в размере 10 000 (десяти тысяч) евро в качестве компенсации причинённого ей морального вреда с переводом этих сумм в российские рубли по курсу обмена валюты на день выплаты, к чему надлежит прибавить суммы любого налога, подлежащего уплате с указанной суммы;

(б) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанной суммы на неё начисляются и подлежат выплате заявительнице штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента;

3. отклонил остальные требования заявительницы о выплате ей справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 26 февраля 2009 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

**Сорен Нильсен,
Секретарь
Первой Секции
Европейского Суда**

**Христос Розакис,
Председатель Палаты
Первой Секции
Европейского Суда**

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему постановлению прилагаются следующие особые мнения¹:

(а) особое мнение судьи Ковлера, к которому присоединилась судья Штайнер;

(б) особое мнение судьи Николау.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОВЛЕРА, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛАСЬ СУДЬЯ ШТАЙНЕР

К сожалению, я не могу присоединиться к мнению незначительного большинства судей в постановлении по настоящему делу.

Настоящее дело касается не только персонального положения заявительницы, но и важнейших вопросов профессиональной этики судей как таковой. В отличие от некоторых последователей «чистой теории права», я не убежден, что правовые вопросы можно отделять от этических и моральных проблем и что Конвенцию и национальное законодательство можно анализировать лишь номинально.

В пункте VI «Свобода выражения мнения» Резолюции по вопросу о судейской этике, принятой на пленарном заседании нашего Суда 23 июня 2008 г., сказано следующее: «Судьи должны осуществлять свою свободу выражения мнения в такой форме, которая совместима с их высоким постом. Судьи должны воздерживаться от публичных заявлений или ком-

ментариев, которые могут подорвать авторитет Европейского Суда или вызвать разумное сомнение относительно их беспристрастности». Применив этот принцип к самим себе, мы должны применять его и к нашим коллегам в других судах, которые также ограничены сходными обязательствами, предусмотренными законами о статусе судей и кодексами профессиональной этики судей, принятыми судейскими сообществами (см. пункты 43–44 постановления). Таким образом, законы и нормы профессиональной этики судей являются общей основой для оценки поведения судей.

В своём решении о неприемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 47936/99 по делу «Питкевич против России» [*Pitkevich v. Russia*] от 8 февраля 2001 г. (в нем шла речь об отстранении от должности судьи, которая ненадлежащим образом использовала своё служебное положение для осуществления религиозной деятельности) Европейский Суд, рассмотрев вопрос об отстранении от должности судьи Питкевич, пришел к выводу, что работа судьи, хотя и не является разновидностью обычной гражданской службы, представляет собой, тем не менее, типичный пример государственной службы. У судьи есть конкретные обязанности в сфере отправления правосудия, а в этой сфере государство осуществляет свои суверенные полномочия. Следовательно, судья принимает непосредственное участие в осуществлении полномочий, предоставленных ему публичным правом, и исполняет обязанности, направленные на обеспечение всеобщих интересов государства. По делу «Питкевич против России» Суд пришел к выводу — который согласуется с постановлением Большой Палаты Европейского Суда по делу «Пеллегрен против Франции» [*Pellegrin v. France*] (жалоба № 28541/95), Сборник постановлений и решений Европейского Суда [ECHR] 1999-VIII — что спор, касающийся вопроса об отстранении судьи от должности, не затрагивает её «гражданских» прав или обязанностей по смыслу положений статьи 6 Конвенции и лишение заявительницы полномочий судьи преследовало правомерные цели государства по смыслу положений пункта 2 статьи 10 Конвенции, а именно — защиту прав других лиц и обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия.

Даже если предположить, что настоящее дело существенно образом отличается от дела, которое было упомянуто выше, в нем возникает аналогичная проблема, касающаяся пределов свободы выражения мнения судей.

Из прецедентной практики Европейского Суда известно, что статус государственного или гражданского служащего не лишает его защиты статьи 10 Конвенции. В своём недавно вынесенном постановлении по делу «Гужа против Молдавии» Большая Палата вновь подтвердила, что «охрана статьи 10 Конвенции распространяется на место работы вообще и на государственных служащих в частности» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 12 февраля 2008 г. по делу «Гужа против Молдавии» [*Guja v. Moldova*] (жалоба № 14277/04), § 52, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2008 — ...; см. также постановление Европейского Суда от 26 сентября 1995 г. по делу «Фогт против Германии» [*Vogt v. Germany*], серия «А», № 323,

¹ Согласно правилу 74 («Содержание постановления») Регламента Европейского Суда по правам человека каждый судья, принимавший участие в рассмотрении дела, имеет право приложить к постановлению Суда свое отдельное мнение, совпадающее с мнением большинства, либо отдельное особое мнение, либо просто свое «заявление о несогласии» (примечание редакции).

§ 53; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вилле против Лихтенштейна» [*Wille v. Liechtenstein*] (жалоба № 28396/95), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-VII, § 41; постановление Европейского Суда от 2 сентября 1998 г. по делу «Ахмед и другие заявители против Соединенного Королевства» [*Ahmed and Others v. the United Kingdom*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports of Judgments and Decisions] 1998-VI, § 56; постановление Европейского Суда от 29 февраля 2000 г. по делу «Фуэнтес Бобо против Испании» [*Fuentes Bobo v. Spain*] (жалоба № 39293/98), § 38). Однако право на свободу выражения мнения как таковое не является безграничным, и Суд в этом же постановлении, по делу «Гужа против Молдавии», предупреждает об опасности целиком «вседозволяющего» толкования статьи 10 Конвенции: «В то же время Суд помнит о том, что работники обязаны соблюдать лояльность по отношению к своим работодателям, проявлять сдержанность и осмотрительность. Это в особенности так в случае гражданских служащих, поскольку в силу характера гражданской службы служащий связан обязательством соблюдать лояльность и проявлять осмотрительность» (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Гужа против Молдавии», § 70; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Фогт против Германии», § 53; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ахмед и другие заявители против Соединенного Королевства», § 55; постановление Европейского Суда от 14 марта 2002 г. по делу «Де Диего Нафрия против Испании» [*De Diego Nafria v. Spain*] (жалоба № 46833/99), § 37). В постановлении по настоящему делу Суд воспроизводит эту мотивировку (см. пункт 85 постановления), но игнорирует дальнейшие рассуждения, содержащиеся в постановлениях по делу «Гужа против Молдавии». Поэтому я должен напомнить следующее заключение Суда из пункта 71 постановления Европейского Суда по делу «Гужа против Молдавии» (поскольку в некоторых случаях отсутствие упоминания о какой-то детали имеет значение):

«Поскольку задачей гражданских служащих в демократическом обществе является содействие государству в выполнении его функций, и поскольку общество вправе ожидать, что они будут оказывать помощь, а не мешать демократически избранным государственным органам, обязанность соблюдать лояльность и проявлять сдержанность приобретает для них особое значение (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ахмед и другие заявители против Соединенного Королевства», § 53). Кроме того, государство по различного рода правомерным соображениям может быть заинтересовано в том, чтобы считать конфиденциальной или секретной информацию, к которой гражданские служащие часто имеют доступ в силу самого характера своего должностного положения. Поэтому обязанность гражданских служащих проявлять осмотрительность также должна строго соблюдаться».

Обращаясь к настоящему делу, я хотел бы напомнить, что Квалификационная коллегия судей города Москвы выговорила заявительнице за то, что она «разгласила конкретные фактические данные, касающиеся производства по уголовному делу по обвинению Зайцева [П.В.], приговор в отношении кото-

рого в тот момент ещё не вступил в законную силу» (пункт 34 постановления). Не будем забывать, что это уголовное дело имело отношение к действиям г-на Зайцева в качестве следователя по чрезвычайно щекотливому делу о крупномасштабной коррупции и что производство по этому делу ещё не завершено. Весьма странно, что по этому вопросу Европейский Суд приходит к выводу: «В этой связи Европейский Суд со своей стороны не усматривает ничего в трёх вмняемых в вину заявительнице интервью, что обосновывало бы утверждения о том, что она допустила “разглашение данных”» (пункт 91 постановления). Даже если согласиться с тем, что раскрытие деталей уголовного дела, которое находилось в производстве у заявительницы, и судебное разбирательство по которому ещё не закончилось, не является разглашением закрытой информации, несколько трудно считать это оценочным суждением заявительницы... Суд, кажется, оправдывает эти действия:

«Нет никаких сомнений (*sic!* — *A.K.*) в том, что тем самым она подняла крайне важный вопрос, составляющий интерес для общества, и этому вопросу в демократическом обществе надлежит быть открытым для свободных дебатов. Её решение обнародовать информацию по этому вопросу было основано на её личном опыте, и оно было принято только после того, как ей не дали участвовать в судебном разбирательстве в её официальном качестве» (§ 94 постановления).

Необходимо отметить, что «после того, как ей не дали участвовать в [одном] судебном разбирательстве», заявительница впоследствии участвовала в рассмотрении нескольких других уголовных дел (пункт 16 постановления) и что её полномочия в этот период судьи были ещё не прекращены, а лишь были временно приостановлены на два месяца на время выборов по её собственной просьбе. Нет никаких указаний на то, что она была свободна от своих обязательств соблюдать нормы профессиональной этики судей и профессиональной осмотрительности. Однако заявительница злоупотребила своим иммунитетом как кандидата на выборах, разгласив конкретные фактические данные, касающиеся производства по щекотливому уголовному делу, приговор по которому ещё не вступил в законную силу.

С точки зрения Европейского Суда, такое, с позволения сказать, «необычное» (для действующего судьи) поведение оправдывается тем, что на момент этих высказываний заявительница принимала участие в избирательной кампании: «выступления по политическим вопросам <...> пользуются особой охраной в соответствии со статьей 10 Конвенции» (пункт 95 постановления). Таким образом, если кто-то хочет свести с кем-то личные счёты, ему безопаснее будет это сделать в ходе избирательной кампании, поскольку в этом случае даже к разглашению служебных сведений, доступ к которым ограничен, «нельзя относиться, как к непозволительным личным публичным нападениям, а следует относиться, как к добросовестным комментариям по вопросу большой общественной значимости» (пункт 95 постановления).

Это более чем «вседозволяющее» умозаключение противоречит другому выводу: «<...> Суд счёл, что должностным лицам, работающим в системе правосудия, надлежит проявлять сдержанность в осуществлении своего права на свободу выражения мнения во всех случаях, когда авторитет и беспристрастность су-

дебной власти могут быть поставлены под сомнение <...>» (пункт 86 постановления). Разглашение гражданскими и государственными служащими сведений, полученных ими в ходе их служебной деятельности, даже по вопросам, представляющим интерес для общества, должно рассматриваться в свете их обязанности соблюдать лояльность и проявлять осмотрительность. Опять-таки я хотел бы напомнить, что в своём (упомянутом выше) постановлении по делу «Гужа против Молдавии» (§ 72–78) Суд установил, что при решении вопроса о том, пользуется ли сигнализирование о противоправных действиях или проступках по месту работы охраной статьи 10 Конвенции, необходимо учитывать, имелись ли в распоряжении данного государственного служащего какие-либо иные эффективные средства, позволяющие исправить проступок, который он собирался предать гласности, такие, как обращение к своему начальнику либо в иную компетентную инстанцию или орган... Однако заявительница предпочла сделать это публично несколько месяцев спустя, прямо в ходе своей предвыборной кампании (см. пункт 19 постановления) и лишь после этого она обратилась в Высшую квалификационную коллегию судей (см. пункт 24 постановления): явно это было сделано для достижения своих личных целей, как утверждает государство-ответчик.

Немаловажно и то, что все утверждения заявительницы касательно процессуальных нарушений, допущенных во время её участия в рассмотрении уголовного дела по обвинению Зайцева, были рассмотрены назначенным независимым судьёй из системы арбитражных судов и отклонены как необоснованные ввиду того, что заявительница не привела доказательств истинности своих утверждений. Остальные высказывания заявительницы, которые она допустила в ходе своих интервью средствам массовой информации, такие как «суд превращается в инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счётов», можно было бы легко стерпеть, исходя от журналистов или профессиональных политиков, однако они не совместимы со статусом судьи в той же системе судов, в которой она проработала 18 лет. Центральный моральный аспект этой истории заключается в том, что бывшая судья Кудешкина исключила себя из судейского сообщества до назначения её дисциплинарного взыскания. Таким образом, между применёнными к заявительнице мерами и правомерной целью защиты авторитета правосудия, предусмотренной пунктом 2 статьи 10 Конвенции (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Фогт против Германии», § 53), существовало разумное соотношение пропорциональности. Эти меры были «предусмотрены законом» (см. пункты 45–47 постановления), преследовали правомерную цель, предусмотренную последним предложением пункта 2 статьи 10 Конвенции («предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия») и были «необходимы в демократическом обществе», оставляя властям государства-ответчика свободу усмотрения в определённых рамках при определении соразмерности указанной выше цели обжалуемого вмешательства публичных властей в осуществление заявительницей своего права (см. среди других источников по данному вопросу упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Фогт против Германии», § 53 постановления).

Европейский Суд напоминает о «замораживающем эффекте, который страх перед наказанием оказывает

на реализацию свободы выражения мнения». Я опасюсь, что «замораживающий эффект» настоящего постановления мог создать впечатление, что необходимость защиты авторитета правосудия намного менее важна, чем необходимость защиты права гражданских служащих на свободу выражения мнения, даже в тех случаях, когда добросовестность намерений гражданского служащего не доказана. Я глубоко огорчен выводами Суда. Надеюсь, что мои глубокоуважаемые коллеги простят мне сию свободу выражения мнения.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ НИКОЛАУ

Обстоятельства, в которых уголовное дело в отношении Зайцева было передано в производство другого судьи в период судебного разбирательства этого дела, проводившегося заявительницей, действительно, вызывают озабоченность. Эта озабоченность не истекает напрямую от высказываний заявительницы, допущенных ею в средствах массовой информации, относительно того, что имело место, поскольку её версия событий была оспорена, и этой версии в настоящем контексте нельзя было отдавать предпочтение. Скорее это озабоченность, проистекающая от того, что было указано в докладе судьи, проводившего проверку после подачи заявительницей жалобы относительно этих обстоятельств.

Следует заметить, что после 23 июля 2003 г., когда уголовное дело в отношении Зайцева было передано в производство другого судьи, заявительница была судьёй по нескольким другим уголовным делам до конца октября 2003 г., когда по её просьбе её полномочия судьи были приостановлены, так как она баллотировалась кандидатом в депутаты на всеобщих выборах в Государственную Думу, назначенных на 7 декабря 2003 г. И только лишь до начала декабря 2003 г. — в контексте избирательной кампании — и более чем четыре месяца спустя после передачи уголовного дела в отношении Зайцева в производство другого судьи заявительница дала интервью средствам массовой информации, содержавшие вменявшиеся ей в вину заявления, в которых она выступила с нападками на национальную судебную национальную систему; и только в день, когда она дала два последних интервью, 4 декабря 2003 г., она обратилась с жалобой в Высшую квалификационную коллегию судей по поводу того, что Председатель Московского городского суда оказывала на неё незаконное давление с целью, чтобы заявительница отклонилась от надлежащего исполнения своих обязанностей судьи. Таким образом имелся существенный разрыв во времени, но я готов согласиться с тем, что это мало что значит.

Далее, следует заметить, что согласно статье 6.2 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» председатели судов наряду с осуществлением полномочий судьи, а также процессуальных полномочий, осуществляют административные функции. Они тем самым отвечают за организацию работы суда и за распределение дел между судьями. Это — при условии соблюдения требований статьи 242 Уголовно-процессуального кодекса, в которой прямо указывается, что является обязательным, а именно — что уголовное дело должно рассматриваться одним и тем же судьёй, пока он не лишен возможности продолжать участие в судебном заседании. Совершенно ясно, что именно во исполнение своих полномочий, предоставленных ей статьей 6.2 Закона «О статусе судей в Российской

Федерации», Председатель Московского городского суда изъяла уголовное дело из производства заявительницы. Первоначально это было сделано по тому основанию, что если заявительница продолжит заниматься данным делом, то произойдет недопустимая задержка в его рассмотрении судом. Однако позже всё это изменилось. В докладе судьи, проводившего проверку по жалобе заявительницы в Высшую квалификационную коллегия судей, указывалось, что основанием для передачи уголовного дела Председателем суда другому судье было в действительности то, что заявительница «не сумела провести судебное разбирательство, её процессуальные акты были непоследовательными, [она действовала] в нарушение принципа состязательности и равенства сторон в судопроизводстве, она высказывала своё мнение по делу, находящемуся ещё в процессе рассмотрения судом, и она пыталась получить совет Председателя суда по делу, и ввиду закрытых сообщений соответствующих органов Председателю Московского городского суда в отношении судьи Кудешкиной в связи с рассмотрением уголовного дела по обвинению Зайцева и других уголовных дел».

Европейскому Суду не было показано, что — на основе упомянутой статьи 6.2 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» — национальные суды признали, что у председателей судов в России имеются такие всеобъемлющие административные полномочия в отношении процессуальных вопросов сугубо судебного характера; и было бы довольно удивительным, если такие полномочия у них были бы. Что, однако, является наиболее беспокоящим фактором, это то, что в деле полагались на «закрытые сообщения соответствующих органов Председателю Московского городского суда в отношении судьи Кудешкиной <...>», как на основание для отстранения судьи от рассмотрения уголовного дела. Похоже, что судья, проводивший проверку по жалобе заявительницы, не думал о том, что такое основание поднимает какой-либо вопрос, и этот судья не связал это основание с версией событий в изложении заявительницы, которая до некоторой степени была подкреплена письменными заявлениями народных заседателей и секретаря судебного заседания, по крайней мере, в отношении развернувшихся событий. Его заключение о том, что не имелось достаточно доказательств, подкрепляющих обвинения заявительницы, просто потому, что они отрицались лицом, против которого они были выдвинуты, не может считаться удовлетворительным. Наконец, не представляется, что соответствующие инстанции рассмотрели эти вопросы при решении не продолжать производство по данной жалобе.

На этом фоне и в свете доклада судьи, проводившего проверку по жалобе заявительницы, который не оставлял места для иных сценариев, право заявительницы на свободу выражения мнения приобрело особое значение. До сих я во всем согласен. И хотя мне кажется, что судья — в отличие от многих других лиц — не должен высказываться публично, пока вопрос находится на рассмотрении суда — как это случилось в настоящем деле — или до того, как жалоба заявлена в надлежащее ведомство, и у него было время дать на неё ответ — что заявительница не сделала — я всё же могу себе представить возможность того, что я соглашусь с мнением, явно разделяемым большинством судей по настоящему делу, что судья имеет право высказываться публично ввиду предположительно крайне чрезвычайных обстоятельств.

Наиболее важный аспект настоящего дела состоит, однако, в том, что высказывания заявительницы не ограничивались судебным процессом по делу в отношении Зайцева. Заявительница указывала прямо и в совершенно определённых выражениях на более серьёзную проблему, существующую в национальной судебной системе. Опираясь на свой многолетний опыт работы в Московском городском суде, она в категорической форме заявила, что она сомневается в существовании независимых судов в Москве. Она утверждала — без какой-либо конкретизации и без приведения других примеров — что московские суды, как по гражданским делам, так и по уголовным делам, систематически используются как инструмент сведения политических, коммерческих или просто личных счётов: она говорила о жестких манипуляциях с судьями, о возмутительных скандалах и о распространённой коррупции в московских судах; и она заключила, что если все судьи будут молчать об этом, то в стране уже в самое ближайшее время может наступить «судебный беспредел». Как я понимаю эти высказывания, они явно подразумевают, что заявительница знала о такого рода конкретных примерах, что свидетельствовало о том, что она описала как масштабность проблемы. Но она не озаботилась тем, чтобы обосновать фактический субстрат до того, как высказывать оценочные суждения по вопросу о масштабности проблемы и серьёзности положения дел, которое она кратким образом охарактеризовала, заявив, что «никто не может быть уверен, что его дело — будь то гражданское, административное или уголовное — будет разрешено по закону, а не в угоду кому-то». Это исключительно весомые выражения, исходящие от судьи, и им нет места, если только судья не в состоянии подтвердить их хотя бы как-нибудь.

Постановление Европейского Суда, вынесенное большинством голосов судей, сфокусировано на уголовном деле в отношении Зайцева и относящееся в достаточной мере к высказываниям заявительницы по более широким проблемам, как она их понимает, по моему убеждению, создало массу схожих ситуаций, коим уголовное дело в отношении Зайцева было только примером. На самом деле, именно её настояние, что такое поведение судей получило широкое распространение, и стало систематичным, стало основой для её выводов, что простому гражданину невозможно добиться правосудия в московских судах. Далее, коль скоро в постановлении Европейского Суда, вынесенном большинством голосов судей, общим образом делаются ссылки на высказывания заявительницы, я не могу согласиться с тем, что эти высказывания являлись по сути своей оценочными суждениями, не требующими подтверждения фактами. Хотя при этом признаю гибкость прецедентной практики Европейского Суда по данному вопросу.

Если заявительница и впрямь знала о фактах иных, чем факты, касающиеся уголовного дела в отношении Зайцева и свидетельствующие о том, что коррупция была настолько распространённой, и что судьи покорно подвергались закулисным махинациям, то заявительнице следовало бы быть более конкретной в своих обвинениях. Судья по всему, она обвинила каждого и всякого судью, работающего в московских судах, как добровольного соучастника или невинную жертву коррумпированной судебной системы, и не продемонстрировала никакого расположения к судьям, которые, как она сама, могли бы быть вне какого-либо осуждения. Коротко говоря, она без разбора бросила

обвинения в адрес всех судей, тем самым разрушая всю судебную систему. Инцидент, связанный с уголовным делом в отношении Зайцева, сам по себе никак не мог дать оснований для таких далеко идущих заявлений г-жи Кудешкиной.

Следует иметь в виду, что то, что судья заявляет публично, всегда оказывает значительное воздействие на публику, поскольку граждане естественным образом считают мнения судьи взвешенными и ответственными; тогда как, к примеру, все понимают, что журналист, которого считают общественным наблюдателем за тем, что происходит в государстве, может позволить себе публикации, которые несут в себе вызывающие или более того — преувеличенные высказывания, и потому дозволена их ещё бóльшая широта. В то время, когда заявительница сделала свои, вменявшиеся ей в вину заявления в прессе, её полномочия как судьи были приостановлены с тем, чтобы она могла провести свою предвыборную кампанию. Таким образом она могла высказывать своё мнение более свободно. Но всё же она оставалась судьёй. На неё распространялись положения Закона «О статусе судей в Российской Федерации», и она должна была блюсти Кодекс чести судьи Российской Федерации, имея этот Кодекс силу законодательного акта или нет. Посему её выступления должны были быть сдобрены разумностью. Вместо того она

впала в недопустимые крайности. По моему суждению, в таком случае национальные власти были вольны установить — что они и сделали — что действия судьи Кудешкиной опозорили честь и достоинство судьи, умили авторитет судебной власти, причинили существенный ущерб престижу судейской профессии, то есть эти действия образовали состав дисциплинарного проступка. Далее, в этих обстоятельствах дисциплинарное взыскание, наложенное на заявительницу, не было, как я полагаю, непропорциональным.

И ещё, последнее. Заявительница жаловалась на процессуальные нарушения, допущенные при рассмотрении её жалобы в суде относительно законности и обоснованности решения Квалификационной коллегии судей города Москвы. Эта жалоба, как я полагаю, ничем не обоснована. Хотя и с небольшой задержкой, но ей было сказано судьёй Верховного Суда, что в силу правил подведомственности дел не допускается передача её дела из Московского городского суда другому суду. В любом случае роль Московского городского суда не могла оказать решающего влияния на результаты рассмотрения дела в целом, учитывая, что выводы по существу и окончательная проверка законности и обоснованности назначенного наказания находятся в рамках полномочий инстанций, неподвзятость которых даже и не подвергалась сомнению.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»